

Майя Богуславская

Майя Богуславская

...Я - залётная птица.
Мне биться крылом о стекло,
К невозможной свободе
Душою стремиться.
- Не держите меня,
Умножая ненужное зло.
Отпустите меня:
Я - залётная птица!

М. Богуславская

Літературно-художнє видання

Майя БОГУСЛАВСЬКА

**ОТПУСТИТЕ МЕНЯ,
Я – ЗАЛЁТНАЯ ПТИЦА**

Вірші, оповідання

Упорядкування – Є.Ванжа, С.Хрикін
Комп'ютерний набір – Є.Ванжа, С.Хрикін
Літературне редагування – М.Лібіна
Коректор – В.Богуславська
Дизайн – Є.Ванжа

Видання здійснене на замовлення
Ніжинської міськрайонної благодійної
організації "Благодійний фонд "Ніжен"".

вул. Московська, 7А, м. Ніжин, Чернігівська обл.

Тел. +380 (4631) 5-44-32;

E-mail: nizhen@syaivo.com

**МАЙЯ
БОГУСЛАВСКАЯ**

**ОТПУСТИТЕ МЕНЯ,
Я – ЗАЛЁТНАЯ ПТИЦА**

СТИХИ
РАССКАЗЫ

Підписано до друку 16.10.08 р. Формат 60x84/16 Папір офсетний.
Гарнітура Computer modern. Ум. др. арк. 3,9 Тираж 300 прим.
Зам. № 068

Віддруковано ПП Лисенко М.М.
м. Ніжин, вул. Шевченка, 26. Тел.: 8 (067) 4412124

E-mail: milanik@land.ru

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи
серія ДК №2776 від 26.02.2007 р.

Ніжин 2008

ББК 85(7Укр-Рос) 11-19
Б 73

Виданню цієї книги сприяли:

Шкурко М.П., Богуславська В.Б., Лібіна М.І., Хрикін С.Є.,
Савицька І.В., Козлова М.В., Кругерський В.Е., Афремова О.О.,
Рукавіцина Н.І., Дружкова Т.О., Ванжа Є.В.

Щиро дякую! Ванжа Є.В. (донька)

М.Г.Богуславська.

Б 73 Отпустите меня, я залётная птица: Вірші, оповідання. –
Ніжин: ПП Лисенко М.М., 2008. – 256 с.
ISBN 978-966-96962-2-9

Книга, що пропонується читачеві, – єдина практично повна збірка віршів і прози Майї Григорівни Богуславської, відомої за життя численними публікаціями, розпорошеними переважно по сторінках періодичних видань. Книга охоплює весь творчий доробок авторки.

ISBN 978-966-96962-2-9

ББК 85(7Укр-Рос) 11-19

- © М. Г. Богуславська, 2008
- © І. Качуровський, переклади, 2008
- © М. Лелюк, переклади, 2008
- © В. Б. Богуславська, переклади, 2008
- © С. Хрикін, спогади, 2008
- © І. Савицька, спогади, 2008
- © Є.Ванжа, спогади, художнє оформлення, 2008

Баби в хустинах теплих.....219
Занадто правди не буває220

ПЕРЕКЛАДИ З РОСІЙСЬКОЇ

Розмай. Бентежність (*М.Лелюк*) 221
Давай майнем у глушину кудись (*М.Лелюк*) 221
Марині (*М.Лелюк*) 222
Я – мандрююча птиця (*М.Лелюк*) 223
Я – лише залетуха (*І.Качуровський*) 224
Я – залітна пташина (*В.Богуславська*) 225
Марія (*В.Богуславська*) 226
Нічна гроза (*В.Богуславська*) 227
Наближаємось до краю (*В.Богуславська*) 227
Новгород - Сіверський (*В.Богуславська*) 228
Лютий (*В.Богуславська*) 229
Шипшина (*В.Богуславська*) 229

РАССКАЗЫ

Євреї мого дитинства230
Зеркало.....235

СЛОВА ДРУЗЕЙ

Ірина Савицька. Юбилейный адрес.....239
Євгенія Ванжа. Не опоздать бы.....241
Святослав Хрикін. Її поезії кличуть до храму душі нашої
.....245

Валерія Богуславська. Не втримаю, хоч як тримаю...
(*замість післямови*) 247

Гертруда	191
Кармен – сюита	192
Рыжей девке с могучими икрами	194
Пушкин	195
Ваганьково кладбище	196
Мария	197

Х НЕПОСЛУШНОЕ ВРЕМЯ

Мне так и быть – скитальцем и поэтом	198
Не птицы мы – бескрылы	199
Простейший выбор – быть или не быть	199
Обещанные ливни не прошли	200
Ильинская церковь	200
Одна зеленоватая звезда	201
Я – залётная птица	202
Ветер в поле, выюга в поле	203
Убывает горячее лето	204
Скрипка в покинутом доме	205
И стадо спит	206
Движенье волн песком повторено	207
А.И.Гитовичу	208
Продавала бабка белые холсты	209
Отдых	209
Сон	210
Я, как Майкл Джексон	211
Судьба	211
Лишь голоса, а слов не услышать	212
Привокзальная площадь	212
Не слыть, а быть	213
Ночной ветер играет	214
Жить мудро и светло	215

ВІРШІ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

Ще павутиння осінь не плела	216
Серпневі дні	217
Співають півні по той бік Десни	217
Минає час, наче мить	218
Боронь, Боже	219

МАЙЯ БОГУСЛАВСКАЯ

31 октября 2005 года – за две недели до своего семидесятидвухлетия – после тяжёлой болезни ушла из жизни Майя Григорьевна Богуславская – один из лучших русских поэтов Чернигова.

География её жизненной судьбы вобрала в себя и Ленинград, где она окончила библиотечный институт, и Сибирь, где ей довелось в годы юности жить и работать, и – много позже – Израиль, где она в течение трёх с половиной лет пыталась отыскать для себя новое жизненное русло. Но судьбою оказалось предначертанным ей всегда быть с Черниговом: здесь она родилась, здесь прошло её детство, здесь окончила она школу, сюда возвращалась после всех своих скитаний. С черниговскими улицами и переулками, с Валом и Болдиной горой, с Десной и Стрижнем, скверами и Подусовкой была связана большая часть её жизни. Здесь она работала – в библиотеке, в книжном магазине, во Дворце пионеров... Здесь, в течение многих лет, она вела созданную ею детскую литературную студию, и многие её воспитанники стали прекрасными поэтами и прозаиками. Но главное: здесь, в Чернигове, родилась основная масса её стихов – спокойных и страстных, мудрых и по-юношески безрассудных, и всегда – волнующе-человечных.

Святослав Хрыкин

I ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Волы бредут себе неспешно,
За шагом шаг, за шагом шаг.
Трава растёт совсем безгрешно,
И пьяно пахнет алый мак.
И степь, как сон. Такое снится,
Какому в жизни не бывать.
Полузакрытые ресницы,
И тишина, и благодать...
И вдруг змея! – Одно движенье,
Как стрелка чёрная часов,
И миг разорвано мгновенье,
И заскрипело колесо...
...И снова неба мирный терем,
И тишина, и благодать.

Зачем змея? –
Чтоб в жизнь поверить.
Чтобы прожить, а не проспать.

VII Я ЗДЕСЬ БЫЛА – И НЕ БЫЛО МЕНЯ	
Пустыня Негев	153
Хевель-Шалом. Негев	159
Фонтан у банка «Дисконт»	160
Февраль. Средиземное море	161
Яффо	162
Яффо. Вечер	162
Я возникаю из небытия	163
Иерусалим	164

VIII РОДНОЕ ВСЁ...И СЭТИМ Я ЖИВУ	
Паровозик дымит среди тихих полей	168
На склоне том, где подрастают ели	169
Бомжи	170
Пехотный офицер	171
Городской пейзаж	172
Драма на вокзале	172
Прощанье	173
Тувинский чай	174
Аэропорт	175
Пляска	176
Киево - Печерская Лавра	177
Андреевский спуск	178
Торгует Бессарабка деловито	178
Придорожные сёла	179
Чернигову	180
Неторопливые буксиры	180
Я постигаю тайну мастерства	181

IX НАД ВРЕМЕНЕМ	
Было, было. Быльём поросло	182
Комедианты	183
Работа	184
Арена	186
Мы всё играем, всё играем	187
Домик Лермонтова	188
Джоконда	189
Играй актёр	190

Слова их лживы	121
Убивают... и ставят памятники	122
Чиновникам.....	123
А Есенина в тридцать седьмом не убили бы?.....	124
В своём отечестве пророком не прослыть	126
Временщики, заезжие варяги	127
Итак: бывлые аргументы	127
Кончается время паяцев картонных	128
Какому богу молишься теперь	128
Май 1986.....	129
До нас снисходят	130
Та ложь, что пронизала.....	131
Не верим новому.....	132
Декабрь 1988.....	133
Да, истина, что сраму нет у мёртвых.....	134
Мы так щедры, беспечны, беспечальны.....	135
Нас наказывают за непослушание	136
Мудрость приходит, когда бьют	137
В мёртвой зоне кричи, не кричи.....	137
Вождь на привокзальной площади	138
Жестокая правда	139
Рассветные эти причалы	140
Ненавижу ложь в любом её проявлении	141
А мы после бурь, после взлётов	142
Ясность мысли – ненужная блажь	142
Трубят о демократии – аж синь в лице.....	143
Крестили. Распинали на кресте.....	144

VI ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Полоса отчуждения – старый вокзал городской.....	145
Вокзалов отрешённость, неуютность	146
Моя зачумлённая родина	147
Москва. Октябрь 1990г	148
Стихи прощания	149
Махну на себя рукой	150
На плаху, так на плаху	151
Рубикон.....	152

* * *

Ветер колышет
 шкурку змеи,
Глянeshь и вздрогнешь –
Колышется,
 будто живая.
Вокруг полевые цветы
 так невинно цвели,
Висели стрекозы,
 всю яркость цветов повторяя.
И где-то вдали
 погрохатывал гром не спеша,
Как будто орехи катились
 в жестяном ведёрце.
И насквозь прогрелась
 за день бесконечный
 душа,
Шкуркой иной обросла
 под обугленным солнцем.

Июнь 1980

НА ЛУГУ

1

Варит кашку мышка-крошка
Из мышиноного горошка.

2

В затылок друг другу гусята глядят,
За папой и мамой
Шагая, галдят.
И лапки утиной не счесть
На лугу.
Взгляни! – Зеленеет на каждом шагу.

* * *

Сорочонок выпал из гнезда до срока.
Как над ним кружилась
Мать-сорока! –
Убивалась, горестно кричала:
– Прячься, птенчик,
Весь ты на виду... –
А когда ушли мы – замолчала,
Думала, что отвела беду.

Давай поедем летом в дальний лес	88
Песня, не сорвись на полуслове	88
Василиса, Васса, Васёна	89
Обнимая в последний раз	89
Ты, моя похудевшая, тонкая.....	90
Прощание	91
Ты моя тихая пристань.....	92
Не понимай и не жалеяй меня.....	93
Не предрекай трагической судьбы.....	93
Прости меня за нетерпенье сердца	94
Не нами начертаны.....	95
А что такое трагедия?.....	96

III ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ

Есть дубовая роща.....	97
Баллада о старом доме	99
Воспоминание.....	103
Моя учительница первая.....	104
Скажите, а что там за кадром	105
1953год. Наводнение.....	106
Что есть поэзия	107
Где те игрушечные домики.....	108
С ладошку луг остался у Десны	108
Воспоминание (Давным-давно те воды утекли).....	109
Что может быть проще.....	109
Дерево моего детства	110
Ты выросла из смуглой косточки.....	111

IV ПРИВЫЧНОЙ НЕ БЫВАЕТ КРАСОТА

Дорога бездорожием петляет	112
Хемчик.....	113
Море. Ливадия	114
Евпатория	115
Кавказ (Что нас возить...).....	116
Кавказ (Как надоели мы...)	119

V И ЯРОСТЬ МНЕ ДО БОЛИ СВОДИТ СКУЛЫ

Интернационал	120
Позёр и невежда.....	121

Опять весны знакомые приметы	61
Нигде так не пахнет травой	61
О чём мечтают ели в парке	62
Цветенье. Радость. Дышится легко.....	63
При стопроцентной точке росы.....	63
Не прощай мне ни лени, ни лести.....	64
... И я проснулась молодой, окрепшей.....	64
Такое хрупкое тепло.....	65
Рябины цыганские шали	66
Дом.....	67

II НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА

Белые ночи	68
Лунный свет	69
Любовь.....	70
Степные травы в изголовье	71
Безымянные травы.....	72
Шаги твои по-юному легки	73
Ягоды рябины	74
Эта мудрость презренна.....	75
Говорено столько.....	75
Я из тех собак.....	76
Не надо ни денег, ни дома	76
Не любовь, не память	77
Уходи. Не скажу ни слова.....	77
Над пропастью, у жизни на краю	78
Призрак.....	78
Мне чёрных слов вовеки не стереть	79
Уходят поезда	80
Зачем эта злая свобод	81
Аукнись, далёкое лето.....	82
Колец так много новых	83
Я мудрая, я знаю наперёд	83
Если бы у меня хватило мужества	84
Не обращу к тебе своё лицо.....	85
А было так много восторгов.....	85
Одиночество.....	86
Не надо, не надо, не надо.....	87

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ходят тени по дну,
 Ходят тени по дну –
 То плывут облака,
 Отражаясь в реке,
 И барашек волны
 Догоняет волну
 И смывает следы
 На прибрежном песке.
 Горько пахнет
 Нагретая солнцем лоза.
 Дремлют рыбы мальки
 В тёмном лоне реки
 И во сне
 Удивлённо таращат глаза.
 Только изредка
 Баржу протянет буксир,
 Только издали
 Слышится стук молотка.
 И спокойно опять,
 тих и солнечен мир.

Ходят тени по дну...
 Волны катит река...

* * *

Лучезарного дня
тает свет, словно дым.
Срез дубового пня
пахнет вином молодым.
Вырастают из глуби веков
Листья папоротника вырезные,
Загораются светляков
Фонари голубые.

* * *

Созревшей земляникой пахнет лето.
Проворный уж мелькнёт среди травы.
И в новое, с игопочки, одеты
Суровые сосновые стволы.
Сплошные сутки на небе светло.
Цветут в низине незабудки, мята.
Ещё не скоро станут на крыло
Нескладные подростки-лебедята.

Купола соперничают	31
Хризантемы прекрасны	32
У реки	33
Поздняя любовь	34
Струится свет от клёнов и берёз	35
Натюрморт	35
Рисунки тесных каменных дворов	36
Перечёркнуты хмурым дождём	37
Неуютность железной дороги	37
Косые ветви на сторону сносит	38
Останется это навеки	38
Иду по тропам осени моей	39
Приближаемся к самому краю	39
Промежуток между маем и октябрём	40
Ночь сливается с тёмным небом	40
Ива	41
Предзимье	41
Клён	42
Кричат петухи	43
Одинокая тихая хата	43
Снег, близко снег!	44
Снег	45
Нежданная ноябрьская весна	45
На Болдиной горе	46
Мороз, метель, манящее окно	47
Мелодия белого снега	48
О, эта круговерть тепла и стужи	49
Февраль	50
Март	51
Традиционное	52
Переплелись весна и вьюга	53
Провинция	54
Время пришло (<i>цикл о природе</i>)	55
Новгород-Северский	58
Глубоки предвесенние тени	59
Повисли серёжки на тоненьких нитях весны	59
К моим рукам прикосновенье	60
Рощи – насквозь	60

СОДЕРЖАНИЕ

МАЙЯ БОГУСЛАВСКАЯ (вступительное слово)	3
I ВРЕМЕНА ГОДА	
Волы бредут себе неспешно	4
Ветер колышет старую шкурку змеи.....	5
На лугу.....	6
Сорочонок выпал из гнезда	6
Летний день.....	7
Лучезарного дня тает свет	8
Созревшей земляникой пахнет лето	8
Лошадиные морды.....	9
Кони	10
А были кони жаркие как солнце	11
Ночная гроза	12
Туманятся шальные небеса.....	13
Мы были мокрыми	13
Юность	14
Я приду сюда.....	15
Уйду в поля	15
Троицкий монастырь.....	16
Август с потрескавшимися от зноя губами.....	17
Венок.....	18
Земля разогревается к полудню	21
В Тростянце.....	22
Яблоки	23
Сухой коноплю пропахло рядом	24
Осенних базаров	25
Осенний лес.....	26
Литые листья золотых берёз.....	27
Не много вёсен есть у нас в запасе	28
Пляжи в октябре	29
Берёзка в ограде.....	29
Коронами деревья увенчали	29
Скажи мне заветное слово	30
Почти японский пейзаж	31
Обманчиво, недолговечно, хрупко	31

* * *

Лошадиные морды
Поднимают ввысь
Чистые струи.
И по мышцам упругим
Бежит наслаждения дрожь.
Нет постылой работы,
Пропотевшей,
Изношенной сбруи.
Серебро под ногами,
На гривы
Серебряный дождь.
Перекликнутся ржаньем,
Рванутся в луга за рекою.
Очищающий запах
Полыни
Им в ноздри дохнёт.
Будет ветер с боков,
Будут воля да небо
Ночное,
И над лугом, над миром
Стремительный бег,
Как полёт.

КОНИ

Гривы ветром сносит пряным,
Сизый глаз косит упрямо.
Круп и влажен, и упруг.
Кони мчаться через луг.
То – играя – выгнут шеи
И друг друга тронут нежно.
Кнут пастух поднят не смеет.
Мчаться кони, как надежда.
Под копытами шальными
Шёлк-трава покорно ляжет,
А они наклонят выи
На лугу среди ромашек.
Берег тихий и пологий,
Длинноногий аист бродит.
Но ещё мне в ноздри долго
Бьёт и потом, и свободой.

Валерія БОГУСЛАВСЬКА

О сестри, сестри! Горе вам...
Т.Г. Шевченко

* * *

Не втримаю, хоч як тримаю,
Хоча нікому не віддам...
Відходить Неля... потім Майя...
О сестри, сестри! Горе нам!

Осінні дні чи дні весняні,
Мов крихти голубам, криши...
Уже не з нами... тільки снами –
Назовні з глибини душі.

І ваші крила, як вітрила,
Супроти вітру вже несуть...
Чом досі людство не відкрило
Закон збереження часу?!

рами сучасної вітчизняної та світової лірики, прилучаючи їх до літературної творчості.

Майже всі її вихованці стали професійними літераторами, викладачами літератури, журналістами. І сестри Хемлін, і Марина Козлова, і Майя Семко (Руденко), і Олександр Норов, і Андрій Деркач, і Віктор Скляр – усі вони залишаться на все своє життя вдячними їй за це.

Серце цієї прекрасної, неповторної людини зупинилося 31 жовтня 2005 року, але назавжди залишились із людьми її вірші – по вінця сповнені світлом, добротою і теплою, трохи сумною мудрістю.

м. Чернігів

* * *

*Дар'є Архиповне
Левченко*

А были кони жаркие как солнце,
И косы цвета золотых червонцев.
Среди лугов свободная Десна,
Где в омутах холодных нету дна.
Кровь предков кочевых
стучит в твоей крови.
Ты, ветер буйный, только позови.
Надломит спину тяжкая работа.
А всё мерещится,
что будет в жизни что-то... –
Не бросить дом и в степь не улететь.

НОЧНАЯ ГРОЗА

До звона высохли брёвна –
Хоть скрипки из них вырезай.
А ночь-то какая! Словно
Глядится земле в глаза.
Сквозь щели смотрю, как звёзды
Срываються в спелый овёс.
Не спится, не спится, хоть поздно,
Загадывай – сбудется всё.
...И вдруг прокатилось ЭХО,
Ночной потревожив покой,
Далёкие отзвуки смеха
Грозой обернулись ночной,
И я засыпала. А где-то
За выгоны и леса
Спешило красное лето,
Короткое, как гроза.

1963

Її поезії кличуть до храму душі нашої

“...Перечитуючи її вірші, все глибше проникаєш у добрий і сонячний, засмучений і урочистий її внутрішній світ... Її поезії, де космічні далі і сльозинка роси на пелюстках квітів зливаються в один аккорд,... кличуть до храму душі нашої.” – Так свого часу відгукнувся про творчість Майї Богуславської відомий чернігівський художник Михайло Прокоп'юк.

Майже все життя її – велике й насичене – було пов'язане з нашим містом. Тут вона народилася (15 листопада 1933 року), тут пройшло її дитинство, тут вона закінчила жіночу середню школу № 2 (на Валу), сюди вона приїздила на канікули під час навчання у Ленінградському бібліотечному інституті, сюди вона повернулася із Сибіру, де відпрацювала кілька років (спочатку на станції Тулун в Іркутській області, потім у Кизилі – столиці Туви, в Саянах). У 1991 році – сподіваючись знайти нове русло для свого життя – вона виїхала в Ізраїль, але любов до рідної землі виявилася сильнішою, і навесні 1995 року вона повернулася у наше місто. І палаци над Невою, і саянські багаття, і Єрусалим із пустелею Негев знайшли своє місце в її поезіях. Але все ж таки переважна більшість її віршів присвячена нашим – чернігівським – настроям і пахощам, садам і лукам, звичайним нашим землякам, бо саме тут – біля білих соборів, серед наших вулиць і парків – пройшло майже все її життя. Тут вона працювала бібліотекарем у Будинку будівельників, завідуючою книжковим магазином, методистом і бібліотекарем у Палаці піонерів. Багато років вона була керівником дитячої літературної студії, відкриваючи своїм вихованцям чарівний світ поезії Анни Ахматової і Марини Цветаєвої, Бориса Пастернака й Осипа Мандельштама, знайомила дітей із шедев-

успели её увидеть такой! Я думаю, маме меньше всего этого хотелось...

Мы многое в своей жизни не успеваем. Иногда не хотим, иногда боимся быть навязчивыми, но когда приходит момент расставания, мы в холодном поту осознаём, что опять не успели...

Недолюбили, недосказали, недоглядели, не усмотрели чего-то главного, чего-то важного, что было всегда рядом: любви, тепла, нежности, трепета, заботы... Разве можно было упустить это из виду? Конечно, невозможно, просто в обыденной жизни эти вещи кажутся самыми рядовыми, и мы идём с этими чувствами всегда рядом, но параллельно им. А все точки над «i» расставляются куда позже.

Мне жаль, что и я эти точки расставляю только сейчас.

г. Чернигов

* * *

Туманятся шальные небеса,
Высвечивая тучи бирюзою,
Июльская недолгая гроза
Уходит и ворчит сама с собою –
Что, мол, в какое время мы живём,
Что притупились молния и гром,
А все ленивы и приучены к комфорту,
Всё норвят под крышу
в душный дом.
А прежде бы – по лужам босиком!

* * *

Мы были мокрыми,
Как ливень и река.
Но мир был ласков
И дышал озоном.
И распрямлялись травы на зелёном
И ласковом Телячьем острове,
И солнце возникало вдалеке,
И радуга цвела под небосклоном.

ЮНОСТЬ

Пахнет скошенным сеном
 знакомо и тонко.
Опустели скамьи,
 затихает пляж.
Чешет рыжие косы
 подросток-девчонка,
 и стоит на закате,
 врисованная в пейзаж.
Я смотрю, как бредёт она
 в беленькой блузке.
(«...Так спокойно ночами,
 наверно, ей спится!...»)
На песке остаются
 следы её узкие,
 посветлели от солнца
 ресницы.
...И летят, и искрятся
 от вёсел весёлые брызги.
И поют, и смеются на том берегу.
И вечерние, лёгкие
 тёплые бризы
 вслед за девочкой этой
 покорно бегут.

перь я понимаю, что ей просто хотелось хоть иногда быть слабой, ведь быть всё время сильной невозможно...

...Уже тогда мама была больна, но я не принимала её причуды всерьёз, мне всё казалось, что это проявления любви к ребёнку, который давно перестал им быть.

Вот уже и 70, сказала мне мама, когда 15 ноября мы пришли всей гурьбой в гости. Её ученики это самое дорогое и жизненно необходимое, что было у мамы Это таланты, может, некоторые и не совсем, но для неё человечки – на сегодняшний день дядьки и тётки, которых она взлелеяла, выкормила, а может, кого и спасла. Всем уже не менее 40, у каждого семья, дети, проблемы и ещё раз проблемы и опять же – мужа и жены... Но никто не забыл, что дорогому Учителю 15 ноября исполнилось 70!

Красивые цветы, дорогие конфеты, благородные вина, всё было на столе, а ещё лучезарность и свет, который исходил от уже больной, но всё ещё настолько же мудрой и проницательной Майи (так называли её ученики). Я была горда, счастлива, но втайне, душа моя изнывала от печали, от осознания, что все её родные и близкие собрались тогда вместе в последний раз. Откуда я знала – не знаю, просто есть некое чувство у человека, которое впереди нас и знает наперёд, что должно быть. Я чувствовала, что этот вечер, трепетный, ласковый, добрый будет последним!

Мама очень любила Марину Козлову, одну из немногих, кому посвящала свои стихи. Марина не смогла приехать на 70-летие, но посетила её днём позже.

Два года спустя (всего два года!!) Марина так же не успела на похороны моей мамы, но, узнав в Киеве, что её не стало (не стало Мастера, – говорили ученики), она уехала с конференции в Чернигов, надеясь успеть к погребению.

Но тоже не успела... не успела попрощаться. Правда, сейчас я думаю, что, может это и хорошо... Ребята помнят её энергичной, живой, они не знали её больной и немощной. Не

...В тот вечер я пообещала матушке, что приду после работы около половины седьмого. Я знаю, что она ждала, ...она всегда ждала, всю свою жизнь, не меня, так папу, ... а больше всего – облегчения от собственной заботы и переживаний. Её любовь всегда была чрезмерной – по отношению ко всему, мама не умела чувствовать наполовину. Я понимаю это и знаю!

Я пришла, но дома у родителей никого не было... Ровно час я проторчала у подъезда в слякотную, мерзкую погоду. Я боялась отойти, поскольку думала, что мама вот-вот вернётся. Продрогла насквозь, уже решила идти домой, но вдруг увидела, что она идёт ко мне навстречу с девочкой-соседкой, о чем-то беззаботно беседуя (*как мне казалось*). Мне сейчас очень стыдно за то, что я наговорила, но мы всегда опаздываем или очень спешим с выводами, эмоциями, чувствами. Мы тогда всего-навсего разминулись, она пошла меня встречать, а я шла другой дорогой.

Сколько во мне было гнева и как я теперь понимаю, не из-за ожидания, а из-за гадкой погоды. Ну, почему не сказать об этом? Я излила всю свою злость, вобщем мне не свойственную, уже понимая, что мои слова не искупаются никаким волнением ожидания. Мне мама сказала тогда лишь одно, что меня отрезвило: – Заинька, ну хоть на улице меня не ругай, пойдём домой, молочка горячего выпьешь.

После горячего ужина мы ещё долго болтали о всякой всячине, но наползающий хмурый вечер не очень нежно напоминал, что пора домой. Я ушла сытая, оттаявшая от холода и собственных амбиций, на душе было тепло и спокойно. Но хотя я не принадлежу к тем, кто не умеет просить прощения, в тот вечер я так и не сказала маме: – Извини меня!

Надо ли ей это было? Надо!!

А я... не успела?! Что мне помешало?

Как я жалею об этом!

В маме жила интеллигентная гордость, но не гордыня, Она говорила мне, что чувствует себя слабой, а те-

* * *

Я приду сюда... в который раз?
Влажный пляж, разнеженный на солнце,
И вода, изменчивее глаз,
Плещет на себе лучи-червонцы.
Нежно прикасается песок...
Если б сердце вынуть и согреть!
Неба взгляд и ласков, и глубокий.
Небу вольно в выси голубеть... –
Если б сердце вынуть и согреть.

Август 1957

* * *

Ж. Головач

Уйду в поля, где хмурые туманы
Цепляются за листья и траву,
Где свет переливается так странно,
Как будто я не на земле живу.
Не на земле, где расставанье – вечность,
Хотя легко себя уговорить.
Но радует одно: есть путь высокий
Млечный,
Которому дано одно – светить.

Перезрелое лето
 От жажды глухое.
 Полинявшие травы,
 Кустарник, пустырь.
 И белеют, и плаваются
 В лете и зное
 Эти древние стены –
 Святой монастырь.
 Петухи голенастые
 Бродят под грушами,
 На замшелых скамьях
 Почивают коты.
 Остановимся здесь
 И тихонько послушаем:
 Где-то пенье звучит
 Неземной красоты.
 Мы – ей-богу – с тобой
 Не преклоним колени.
 Да и как преклонить
 На загаженный пол?
 Бродят прошлого тени,
 Бродят прошлого тени –
 Божьей Матери робко
 Целуют подол.
 Сквозь прорехи
 Синее высокое небо.
 – С миром, сын мой.
 Покайся,
 Живи, не греша... –
 Нам бы доброго хлеба,
 Только зрелищ и хлеба.
 Будет время – когда-то
 Дойдём до души.
 1983

Не опоздать бы...

Всё чаще, может быть, с возрастом, меня посещают мысли о бренности существования. Мне сложно сказать, с чем они связаны, может, с собственной жизненной позицией, может в силу сегодняшних, весьма и весьма не греющих душу событий.

31 октября мне позвонили на работу, и сообщил женский голос, что умерла моя мама! ...Моя мама...! Моя мама?!

Описывать собственное состояние очень глупо, поскольку пронизывающую до мозга костей боль описать просто невозможно. Всё, что касается чувств, передать словами, ой, как трудно... А чувствовать – не дай Бог.

Зачем я вообще это делаю (пишу о своей боли) – не знаю! Может, затем, чтобы хоть чуточку этой самой боли оставить на бумаге для того, затем, чтобы не сойти с ума от круговерти собственных мыслей.

...Хотим мы того или нет, сознательно или бессознательно, но ищем поддержки с чьей-либо стороны. Сейчас я отдаю себе отчет в том, что ищу поддержки у этой бездушной машины, у экрана, в который смотрю, у клавиатуры, которую нещадно избиваю пальцами. Я пытаюсь найти силы таким способом, хоть умом понимаю, что всё это самообман. Попытка бегства от себя самой и, наверное, от собственной слабости.

Сколько раз у меня возникало желание немедленно бежать к маме, когда было просто тошно на душе, но не хотелось лишний раз вселять тревогу в её сердце. И я просто звонила по телефону и говорила самые банальные, но искренние слова, дороже и милее которых нет: «Мамочка, я люблю тебя!» Первое, что произносила мама: – Зайка, у тебя всё в порядке? Да, отвечала я, а сама ревела, как белуга, задыхаясь от собственных слёз, какой-то невыносимой горечи и одиночества.

тому, что жизнь подарила нам Майю Григорьевну, а она подарила нас друг другу

У Майи Григорьевны – юбилей. Её ученики поздравляют именинницу с днём рождения, желают ей ещё много-много солнечных дней, здоровья крепкого, молодости и душевного равновесия!

Ирина Савицкая, Марина Козлова, Александр Норов, Ирина Мельникова, Валерий Кругерский, Майя Семко, Андрей Деркач, Елена Короткова, Виктор Скляр.

г. Чернигов

* * *

Август с потрескавшимися
От зноя губами
Тихо шепчет сухим
И потрескавшимися стеблям
Утешенье:
– Я с вами!
Никому ни травиночки
Не отдам.
А братъ-то нечего!
Обмелел Белоус,
Только утки плещутся
Здесь и там.
Да тонконогие
Изящные козы
Упрямо тянутся
К горьким ветвям.

27 авг. 2001

ВЕНОК

*

Ладинка.

Чемер.

Анисов.

Яблочный дух неистов
В августе и в сентябре,
Когда устают листья
Радоваться и зеленеть.

*

Чернигов,

черника,

чернеет

Смородины крупная гроздь.

И вишня от солнца темнеет

И просится в горсть.

Такая в песках твоих нега,

На отмелях – рябь и мальки.

Поплыть бы бесстрашно, с разбега –

Не так далеки островки.

*

Пахнет коноплей дикой.

Уснули аист и аистиха.

Ночь.

Тихо.

СЛОВА ДРУЗЕЙ

Ирина Савицкая

Юбилейный адрес

Мы познакомились с Майей Григорьевной около тридцати лет назад, когда все мы были ещё школьниками, а она работала библиотекарем во Дворце пионеров и вела литературную студию – « Бригантина ».

Не каждый может похвастаться, что в жизни ему довелось выбрать себе учителя...

Если у учителей и есть шанс выбирать себе учеников, то последние, как правило, довольствуются теми, кого назначили преподавать тот или иной предмет в школе, в институте....

Нам, ученикам Майи Григорьевны, очень повезло. Мы взаимно выбрали друг друга. Мы – её, а она, соответственно – нас.

В течение многих школьных лет, а затем уже и вне школы, мы приходили к ней на занятия, на которых получали первые знания и навыки в журналистике, узнавали о писателях, которых не включала школьная программа, писали сами рассказы и стихи. Майя Григорьевна прививала своим ученикам хороший вкус, поощряла первые пробы пера, водила нас на экскурсии и в походы, а главное – понимала и просто любила нас. Любила такими, какие мы есть, в каждом видела и уважала личность. Для каждого у неё находилось время, чтобы выслушать, помочь в решении проблем, посочувствовать, утешить, поддержать....

Она нам подарила друг друга. Прошло много лет, а при редких встречах нам становится так же тепло, как и когда-то давно, в уютной библиотеке Дворца пионеров. Ученики Майи Григорьевны стали журналистами, редакторами, писателями, преподавателями и просто хорошими, порядочными и добрыми людьми, разъехались по разным городам и странам. Но до сих пор мы встречаемся, когда появляется такая редкая возможность, вместе грустим о потерях и радуемся

Стоит ли вспоминать о высокой промозглой комнате, где я прожила страшную одинокую зиму, где я шила распашонки и писала письма, никуда не посылая их?

И эту слякотную весну, когда вернулся мой любимый и спросил:

– Тебе принести дров?

– Дров? Не надо. Посиди. – Я привыкла надеяться только на себя.

Уже никогда не посмотрит в зеркало сероглазая глупая девочка с дрожащими от боли и горя губами. Её нет.

Я – это не она.

Я могу уйти, когда больше всего на свете хочется остаться.

Иной раз проснётся в душе прежняя... А может быть, я осталась такой же? Хуже всего знаешь СЕБЯ.

Но я не хочу причинить никому боли. Людям нужно счастье.

Зеркало я оставила в маленькой сельской гостинице. вспомнила о нём только наутро, когда была в дороге. Ну, что ж, пусть послужит кому-нибудь ещё.

Я не хочу быть иной – красивой и удачливой. Счастье чувствуешь только тогда, когда за него платишь дорого.

– Душой.

P.S. Вот почему у меня нет зеркала

*

На барже – огонёк,

Дым к небу тонок.

На барже чёрный щенок

Да малый ребёнок.

На барже варят кулеш

С салом.

Чтоб счастливою быть на земле –

Разве этого мало?

*

Не тревожьте речку, быстрые катера,

Успокойтесь хотя бы до утра.

Не осыпайте берега песчаные,

Не рушьте всё подряд

отчаянно.

Лозы у реки тонкие,

В старицах берега топкие.

Гуси-лебеди не все перевелись.

Что без них наша жизнь?

*

Не заметили? –

покраснела рябина.

Не заметили? –

лета половина.

А мы на тебя, лето,

не нагляделись,

А мы тебя, лето,

не наслушались.

Порадуй,

лето красное,

наши души!

свете. ...Кто из дурнушек не мечтал об этом? Ходить на вечера, флиртовать – нет, всё это не для меня. Я чувствовала себя чужой там, где люди веселились.

Такой я была в 19 лет.

Моя и Элькина кровати стояли рядом, и потому невольно я знала многие её тайны, да она и не скрывала, что где-то её ждёт парень. Он писал ей: «Я помню тебя среди берёз в ситцевом сарафанчике, загорелую, с цветами в руках. Ты была, как само лето. Моя прекрасная...» Он был немного поэтом, этот парнишка.

А Элька вышла замуж за Володю Тарасова. Им подарили дачу под Москвой, Эльке – кучу платьев, золотые безделушки и, что особенно её восхитило, – десять нейлоновых гарнитуров.

Володя уехал, получив назначение после училища, а Элька продолжала ходить на танцы и даже влюбилась в кого-то.

– Что мне терять – я ведь женщина.

А тот паренёк – поэт – продолжал писать.

...И как-то у нас всё разладилось с Элькой...

Теперь она красивая самоуверенная дама. Она достигла всего, о чем мечтала, и, верно, забыла о тех временах, когда, получив посылку из дому, говорила:

– Я выхожу из коммуны.

В самом деле – не делиться же с нами.

Забыла и о том, как влюблённый в неё моряк прислал письмо и деньги на покупку словаря, и мы случайно нашли на полу скомканный черновик : «... Миша, твоё письмо я получила, но денег там не было».

Мы сказали Эльке, что это подло. ...Как горели её щёки!

– Что вы роетесь в чужих бумагах?!

...А зеркало... Собственно, почти два года оно служило и мне, и Эльке. Ведь она не была очень щепетильной. Часто, лёжа на кровати в спокойной позе львицы, приглаживала шелковинки бровей.

– Жаль, что у меня брови и ресницы такие тёмные. Даже тушь не нужна – вздыхала притворно, но кокетливо.

* * *

Земля разогревается к полудню,
И поднимают головы цветы.
Несправедливо, горестно и трудно
Терять остатки летней красоты.
Ещё тепло и силу не собрали,
Не разлетелись в мире семена,
Ещё над ними пчёлы колдовали,
Но близились иные времена...

В ТРОСТЯНЦЕ

Как звёзды дальние лукавы!
Мне их движенья не постичь.
Осенний журавлиный клич
Вплетается в листву и травы.
Каскадом замерли дубравы,
И манит тихая скамья,
И воды тёмные текучи,
И отражаются в них тучи,
А синь меж ними –
 попынья.
И жёлуди упруго-жёлты
И пахнут лесом и травой,
И шелестит, роняя золото,
Клён над моею головой.
И никнут травы под ногами,
И тает изморозь легко.
Кося косульими глазами,
Уходит лето далеко.

Зеркало

*«Умейте же, мой друг, владеть
воображением для счастья людей и для своего
счастья, а не для печали».*

К. Паустовский.

*«Сотри случайные черты,
и ты увидишь – мир прекрасен».*

А. Блок.

– Что ты за женщина, если у тебя нет зеркала, – сказал мне один человек.

– Такая женщина... Что ещё ответить на это?

И мы шли молча, потому что все слова иногда кажутся лишними. Может быть, он мечтал о том, чтобы рядом с ним шла другая, а я думала об этом, и мне было горько.

Почему? Не знаю.

А зеркало у меня было. Мне подарили его девочки в день моего рождения – 15 ноября. Настоячиво моросил холодный дождь, но в Ленинграде так привыкаешь к нему, что уже перестаёшь замечать. Мара и Тоня тормозили меня, целовали, а Томка надрала уши и торжественно вручила зеркало, в овальной рамке, сделанной из цветных кусочков пластмассы.

Смотрю в сторону Эльки. Спит или притворяется? Ведь у неё тоже день рождения. Вот кому бы надо подарить зеркало! Отразись она в тысяче зеркал – все бы они показали, как она хороша – гибкая, высокая, кареглазая. На вечерах её наперебой приглашают, и она идёт танцевать, небрежно положив руку на плечо партнёра, вся лёгкая, нарядная в любом, самом простом платье. Элька – удачница: прочтёт учебник до половины, и спросят её лишь о прочитанном. Элька – лакомка, всегда у неё на тумбочке шоколадки. Все мы восхищались Элькой, немного завидовали, но всё же считали своей. Но так было недолго.

А что я буду делать с подарком? В 16 лет я считала, что хуже меня нет никого, потом смирилась, но не забыла об этом. Конечно, всё это не мешало мне мечтать о чуде, о сказочном принце, для которого я буду самой прекрасной на

со скрипкой. Мы, здоровые дылды, смеялись до упаду, когда он появлялся в классе – худой, бледный, носатый, смешной и печальный, как Пьеро.

– Ну, что, посмеялись? Теперь приступим к уроку. И мы были заморожены его голосом, его эрудицией и культурой. Таких преподавателей у нас больше не было.

...Он умер, когда ему было всего 27.

И сейчас, спустя столько лет, я склоняю голову перед его памятью.

ЯБЛОКИ

1.

Восходят луны яблочк средь ветвей,
Неторопливо раздвигая листья.
И вот они к земле уже провисли
Под благодатной тяжестью своей.
В разнообразье солнечных цветов –
Жемчужно-белых, розовых и рдяных –
Они висят, тесня друг друга, рядом
В безветрии и тишине садов.

2.

Под деревьями яблочк груды
Налитые, как девичьи груди,
В недрах их, как притихшая птица,
Тайна будущих яблонь хранится,
Словно сгусток тепла и света,
Словно дар уходящего лета.

1979

* * *

Сухой коноплю пропахло рядом,
На солнце горячем белилось оно.
Дождями промыто,
Ветрами просушено,
Оно обрело
Вездесущую душу
(В ней суть и травы –
 приворотного зелья,
И буйного хмеля лихое веселье).
Тут бусы рябин.
И летящие птицы –
И радость вдохнула в него
 мастерица.
И пела над ним,
И мечтала над ним.
...А мы молчаливо
И долго стоим.

на шее остался только ошейник. Но у него были ясные голубые глаза, хорошая, добрая улыбка. И Бэла не ошиблась. Они прожили вместе 12 лет. Муж её рано умер от инфаркта, ему было всего 35 лет. У них родилась дочь, прекрасно сочетавшая в своей яркой внешности славянский облик отца и ярко выраженные еврейские черты матери.

Где Бэла? В каких Америках? Её отец Михаил Исаакович Лиденталь достоин большой и доброй повести. Но у меня нет никаких материалов, только память моя сохранила этого горячего, увлекающегося человека. Он беззаветно любил театр и воспитал немало талантливых актёров и режиссёров, которых жизнь тоже, наверное, разбросала по всей земле. И он тоже был из голытьбы. Снимал 10-метровую комнатку у хозяина, где жил с женой Рахелью и дочерью Бэлой. Питались они, в основном, жареной картошкой с огурцами. А умер Михаил Исаакович в «русском чуде», где кухня на пятерых...

Я упомянула Анну Яковлевну, подругу мамы, но ничего не сказала о ней. Она была пышноволосяя, смуглая, с яркими губами и светлокочеными искрящимися глазами. Её муж Гриша любил её до безумия и так же безумно ревновал. Однажды он пустил «Эмку» с моста в деснянские волны. Вот вам и ревность, и любовь. Слава Б-гу, тогда остались все живы. А перед войной Анна Яковлевна заболела тифом и умерла. Похоронили её почему-то на христианском кладбище (может, Гриша так захотел). Долго с фотографии на памятнике смотрели на мир ясные глаза и призывно улыбались губы. Потом, много позже, фотографию изуродовали...

Через много лет Гриша приезжал проведать могилу своей Анны. Рядом с ним была жена, у которой хватало мужества и такта уважать чувства мужа.

Многих хотелось бы вспомнить. Но ускользают имена, стираются из памяти лица.

Вспоминаю сейчас Исаака Давидовича – нашего учителя истории. Он преподавал у нас всего одно полугодие. А потом уехал и вскорости умер. Он был тяжело болен после ранения в позвоночник, долго лежал в госпитале, навсегда простился

ра была маленькой, она однажды прибежала с улицы и, задыхаясь от волнения, закричала: – Мама! Мама! Я видела: на углу стоят три еврея, и один из них мой папа. – Это было откровением для неё. Этот случай потом часто вспоминали и рассказывали родне и друзьям.

Какое отношение имел папа, простой товаровед, к «убийцам в белых халатах», «безродным космополитам» и пр.? Но в 1953 году его освободили от занимаемой должности. А я тогда только поступила в институт...

Что до безродных космополитов, то очень сложно приоткрыть завесу времени и точно определить, кто, когда и где жил. Знаю только, что и прадед мой по линии отца был родом с Полтавщины, из знаменитого местечка Хорола, а там где-то поблизости и Богуслав был, так что, возможно, прапрадед был из Богуслава, и фамилия наша родилась именно там. Знаю и чувствую всем сердцем, что папа любил Украину каждой своей клеточкой, всей душой, как любят самое дорогое...

Как-то в Израиле один человек, ещё не пожилой, совершивший алию в 70-е годы, сказал мне: – Вот сегодня ровно 20 лет, как я живу здесь, и, наверное, впервые тяжесть упала с души.

А в те далёкие 70-е годы (как хорошо я это помню, а надо бы забыть) худощавая черноволосая женщина орала на меня в троллейбусе: «Убирайся в свой Израиль! Расселась тут!» Вина моя была только в том, что в полупустом троллейбусе я пересела с маленькой дочкой к окошку... (хотя для неё, безусловно, моя вина состояла в другом...) Никто не сказал ни слова в нашу защиту.

Стала ли Украина богаче и счастливее, когда почти все евреи её покинули? Не самые идеальные, но далеко и не самые плохие её граждане. Прихватив (кстати, ох, как немало) жён, мужей, тещ, свекровей другой национальности...

Нет в пределах Украины Бэлы Лиденталь. Весёлой, романтической, язвительной, некрасивой... и прекрасной. Она познакомилась со своим будущим мужем на пристани. Он был бичом (бывший интеллигентный человек), от его свитера

* * *

Осенних базаров
Разноголосье –
То цвета пожаров,
То спелых колосьев.
И в них вкраплены
Простодушно, невинно
Кораллы калины,
Кораллы калины.
Не купля-продажа,
А праздник, веселье,
Когда не приходит
Наутро похмелье,
Когда не кончаются
Песни и танцы.
Изысканны вкусы,
И всё сочетается –
И сотовый мёд,
И капусты бутоны,
И гуси, что бьют
Друг пред другом поклоны.
Так густо положены
Красные тени
На крепкую кожицу
Яблок осенних.
Картофель в плетёных
Ивовых корзинах.
И гроздь калины,
И гроздь калины.
Сплетенья тяжёлые
Лука литого.
...Певучее утро.
Певучее слово.

1974

* * *

Осенний лес
Предельно сух и чист.
Так виден каждый гриб,
Так ясен жёлтый лист –
Ещё не смешаны
Дождём и непогодой.
И небо меж ветвей
Глядит с такой свободой,
Как человек, что знает:
Всё пройдёт.
Он отлюбил своё,
Но всё ещё живёт.

отца-еврея и в его присутствии даже усмирляла своё прекрасное контральто.

Наша квартира казалась мне чудесной... Конечно, всё познаётся в сравнении. Один старинный дубовый буфет чего стоил! А стол, стулья, продавленный диван, над которым был благоговейно водружён портрет всесоюзного старосты Калинина. Стульев было всего четыре, и, когда приходили гости, на них клали доски, и всем хватало места.

О папе речь особая. Почему-то всегда он казался мне человеком беззащитным, хотя физически был силён. Он легко поднимал маму и её подругу Анну Яковлевну Белую. А весили эти дамы по 90 кг каждая. Можно ли сказать о людях, что они облетают, как листья? Пожалуй, в годы войны они летели, как сгоревшая бумага, чёрные и обугленные смертью.

Но он был просто не создан для того, чтобы ловчить, обманывать, что-то доставать, искать нужных людей.

От повседневной суеты он уходил в книги, газеты, радио. Он всё знал. Так, по крайней мере, казалось мне. Он был моей энциклопедией. Его способностям можно только удивляться – без школы, без учителей он выучил русский язык, математику, историю, читал «Капитал». Любил и ценил Винниченко.

Когда началась война и мы переправлялись через Десну, папа попрощался с мамой и сестрой, поцеловал меня и ушёл. Мама у нас русская, и он не хотел, чтобы из-за него нас убили немцы. А так могут и не узнать.

Много лет спустя, старый и больной, он спросил тихо, как бы самого себя – «А может, я дурак был?» Он стоял тогда у ворот, в старой потёртой куртке, перелицованной из куртки брата...

...У папы был тихий, ровный голос, и он читал по вечерам книги для тех, кто хотел его слушать – для меня, няни, иногда мамы. Старшая сестра и сама читала ночи напролёт. Как я скучала без этих вечерних чтений, когда папа во время войны работал на оборонном заводе в Чкалове! Только в 1947 году он приехал к нам в Чернигов. Ещё до войны, когда сест-

РАССКАЗЫ

Евреи моего детства

Моя жизнь сложилась так, что я не встречалась и не была знакома ни с одной еврейской семьёй, которую можно было бы считать богатой или хотя бы зажиточной...

Разве только одна... Моего друга детства. Но тогда, после войны, он, его брат, отец и мать жили в проходной комнате, и никто не мог предвидеть, что в будущем, после денежной реформы, они поселятся в большом красивом особняке, по улице Чехова (где позже воздвигли Обком КПУ). И что меня особенно поразило в этом доме, так это большая бронзовая собака, украшавшая комод.

...А так... Голытьба... Обитатели подвалов и ветхих домишек.

Но и среди них были свои «предприниматели-бизнесмены», такие как Берка-примусные иголки, оповещавший всю округу, что у него лучший в мире товар. Баба Рыся торговала курами. Куры эти запомнились мне пёстрым чёрно-белым переньем, ярко-красными гребешками и серёжками. А одна из этих красавиц чуть не выклевала мне глаз. Баба Рыся и зимой, и летом ходила в сером суконном платке, но уши почему-то были открыты, и в оттянутых мочках болтались большущие, тускло блестящие серьги.

Я знаю теперь, что в те годы немало евреев было «наверху» – в НКВД, в торговле и даже в святой святых – партийных органах.

А врачей, зубных техников, бухгалтеров и сосчитать было невозможно.

Помню я двух еврейских девочек-близняшек Инну и Зою, необычайно красивую женщину Хаю-Циру, древнего старичка, лудильщика кастрюль.

Ещё помню и никогда не забуду дорогую мою Дарью Архиповну Левченко (она не была еврейкой). Это именно она приютила нас в разорённом Чернигове после войны. Это она, всю жизнь дружившая с моей мамой, уважала и ценила моего

* * *

Литые листья золотых берёз,
Трава, примятая холодной росой.
Такая даль, что видно всё насквозь
В лугах далёких за Десною.

Такая даль, что мне глаза слепит,
И запах осени – как память детства.
И шустрая синица прилетит
У Вечного огня согреться.

Неугомонный бегаёт малыш,
Не знающий ещё людской печали,
Но всё равно – стоит такая тишь,
Как будто все на свете замолчали.

Цветов ярчайших не пересчитать,
А в стороне алеет кисть рябины,
Её, наверно, положила мать
Своей рукой у изголовья сына...

* * *

Не много вёсен
 есть у нас в запасе,
И осени нетрудно сосчитать.
Капризная природа снова красит
Всё в жёлтый цвет,
 чтоб начисто смывать.
Не много вёсен есть у нас в запасе...

Берёза эта долго проживёт.
Я стану прахом под её корнями.
И кто-то за меня сюда придёт,
И жёлтый лист на прах мой упадёт.
Берёза эта долго проживёт...

Смотрю. А небо так щемяще сине.
И бабье лето
 в запоздалой страсти
Удерживает солнце паутиной.
А я не знаю,
 что такое – счастье.
Смотрю. А небо так щемяще сине...

ЛЮТИЙ

Щокою тулюсь до берези
І грию рукою кору.
Ще трохи – і спокій тверезий
Облущиться від шкаралуп.
І провесни зрушене світло
Грайливо поманить мене.
Пилок, перехоплений вітром,
От-от світ за очі майне.
Нечутний ще сік під рукою,
Ще іній торкається вії,
Та паросток впертий проколе,
Як голка, покрив сніговий.
Літак пише в небі курсивом –
Листа до землі донесли б...
Гай в срібному сяєві сивий,
Від синяви лютий засліп...

Перекл. В. Богуславської

ШИПШИНА

Невчасно розквітла дивачка-шипшина.
Ніяк не припишкне шибайголова!
Осінніх вітрів здійнялася дружина
І з юнки-берези бурштинне зрива.
То паморозь білим до ранку всміхається,
То в річці крижинок кружляє гужва...
До голосу розуму не дослухається.
Квітує, як любить.
Цвіте, бо жива.

Перекл. В. Богуславської

НОВГОРОД СІВЕРСЬКИЙ

На горі над Десною – храм,
Храм, відкритий семи вітрам.
А Десна між крутих берегів
Супить брови, тамує гнів.

По холодній воді навесні
Крига йде, як бики в борозні.
Там, де пнеться угору стіна,
Заблукала берізка одна.
На узгір'ї – бачить Десна –
Приміряє сережки весна.

Не загляджений, мов оберіг,
Не заходжений тисячю ніг,
Навіть порох іще не ліг
На прадавні плити доріг.

Перекл. В. Богуславської

ПЛЯЖИ В ОКТЯБРЕ

*

Никто не пылит по тропинке.
Пустынный песчаный откос.
Озябшие паутинки
Запутались в косах лоз.
Костром бы согреться, что ли?
Десна листву унесла.
Лодчонка стоит на приколе
Без паруса и весла.

*

Берёзка в ограде,
Как свечка в ладони.
Над тихою улицей
Небо в наклоне.
Над тихою улицей
Небо холмами.
И листья устало
Шуршат под ногами.

*

Коронами деревья увенчали.
Недолго царствовать им в синеве.
Листок кленовый сам идёт ко мне,
Он полон совершенства
и – печали.

1968

* * *

Скажи мне заветное слово,
Не прячь дорогого лица.
На небе светло и сурово,
Всезнающе до конца.
Развей невесёлые мысли.
Так близко к тебе и ко мне
Тяжёлые кисти повисли
В осеннем последнем огне.
И птицы своё отсвистали,
Кружатся над рощей своей.
Ещё не затянуты дали
Рыбацкою сеткой дождей.
Дорога, тепла и пустынна,
Средь поля, где сено в стогу,
Седою метёлкой полынной
Касается ног на бегу.
А здесь мы помедлим немного,
Помедлим, щоб сердце унять.
И влево, и вправо дорога,
И время настало решать.

НІЧНА ГРОЗА

Колоди всохлі – до дзвону.
Скрипки вирізати? – Шкода!
А ніч – немов забобонно
В очі землі загляда.
Зірки – крізь шпарини бачу –
Зриваються в стиглі вівси.
Пізно... Не спиться одначе...
Бажанням збутись... Чи всім?
...Зненацька котиться легіт,
Спокій нічний цькує.
Далеким відлунням регіт
Із ночі грозу кує.
І я засинала... А звідти,
Де висохла ледь сльоза,
Квапилося красне літо,
Коротке, немов гроза.

Перекл. В. Богуславської

* * *

Наближаємося до краю,
Щоб у темний вир зазирнуть.
Листя золотом облітає,
Постає оголена суть.
Мов свічки раптом загасили,
Не засліпить сплеск блискавиць.
Тільки жевріє день у пів сили.
Що ж пече в глибині зіниць?

Перекл. В. Богуславської

МАРІЯ

Малювали тебе – то селянку,
То діву пречисту,
Мала губи дитинні,
Та в очах – таємниця гірка.
Малюки сумовиті
Сиділи, голенькі, врочисто
На твоїх материнських руках.
Майорів образ твій над погроми,
Наче благословляв їх почасти;
У розлуці кохання
Зберігала ти від забуття.
І благали тебе про спасіння,
Про мир і про щастя... –
А чи ти дарувала
Їм спасіння, ба більше – життя?
А чи ти дивувалась:
“Кого ви благаєте, люди?
Я з пустелі, де спека
До червоного схід пропекла.
Був євреєм мій син,
Був євреєм запроданець Юда,
Тасмниці єврейські
Мого зору ховає імла.
Для одних я селянка,
Для інших – Богиня, Мадонна;
Вірять, що я спроможна
Їм гоїти болі за мить.
Що мені молитви,
Ваші стогони, ваші прокльони?!
Поверніть мені сина,
Розпинати його припиніть!

Перекл. В.Богуславської

* * *

Почти японский пейзаж:
Над черепичной крышей
Сомкнулись ветви двух облепих.
Затеplилась свеча в оконце.
Кто-то задернул шторы,
Подбросил поленья в печь,
Заварил чай в глиняной кружке –
И поплыл запах смородины.
Темень... Тишина...
Конец октября...

* * *

Обманчиво, недолговечно, хрупко
Последнее октябрьское тепло.
Лежит вверх килем
Сохнущая шляпка,
И сиротливо брошено весло...

* * *

Купола соперничают
С клёнами:
Кто из них светлей и золотей?
Нет туристов.
Вал притихший, сонный,
В энергичных росчерках
Ветвей.

* * *

Хризантемы прекрасны –
Им ни с чем не сравниться –
Заслоняют торговок
Дубовые лица.
В лепестках притаились:
Прохлада земли
(Когда первые вьюги
На землю легли),
То фламинго,
То лебедь,
То девичья стать... –
И торопятся люди
Рублёвки достать:
Будто выкупить надо
Поскорей, непременно
Что-то очень живое
Из гнетущего плена.

* * *

Я – залітна пташина,
Не з вашого роду і прощ.
Із туманних довкіль
Залетіла знічев'я сюди я.
Над хрестами соборів,
Над сірими ряднами площ
Пронесла я свій біль,
Потаємну надію.

Я – залітна пташина.
Мені крилами битись у скло,
До жаданої волі
Душі пориватись невинно. –
Не тримайте мене,
Надарма не примножуйте зло.
Відпустіть в небеса:
Я – залітна пташина.

Перекл. В.Богуславської

* * *

Я – лише залетуха,
Я – не вашої крові,
Я – з далеких туманів завіяна птиця.
Над хрестами соборів,
Над плахтами площ випадково
Я пронесла свій біль
І свої таємниці.

Тож мені залетухою
Битись о шибу крилом,
Неможливої волі жадать безупину.
Не тримайте мене,
Зла не збільшуйте злом,
Відпустіте мене,
Як залітну пташину.

Перекл. І. Качуровського

У РЕКИ

Овсяный цвет осеннего заката
Прокрался из-за сизых облаков.
Трава дождём и моросью примята,
И влажный след остался от шагов.
Запуталось в кустах шальное лето
С нанизанными бусами дождин.
И песня журавлиная пропета,
Лишь отголосок затерялся. Жди,
Когда следы запутает позёмка
И у причалов корабли замрут,
К тебе в окошко постучат негромко
И ласково и тихо позовут.
Ты убежишь. В лицо ударит ветер.
Ты вскинешь руки птицей молодой.
Всё пронесётся, всё пройдёт на свете –
Но вечер тот останется с тобой.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Нет, этот шиповник
Зацвёл не ко времени.
– Погасни, шальная твоя голова!
Осенние ветры поднялись
На стремени,
С берёз молодых
Облетает листва.
То изморозь стелет
Белёсые полосы,
То в реках к утру
Собирается лёд. –
Но он не внимает
Разумному голосу,
Цветёт – будто любит,
Цветёт – как живёт.

* * *

Я – мандруюча птиця,
Я вам не рідня,
Із далеких туманів
Сюди залетіла неждано.
Над хрестами соборів,
Над площами, в розпалі дня,
Пронесла таїну,
Свого серця невгоєні рани.
Я – мандруюча птиця.
Мені битися в шибу крилом,
Всім єством прагнуть волі,
Що годі добитися.
Не тримайте мене,
Надаремно не збільшуйте зло.
Відпустіть же мене,
Я – мандруюча птиця.

Перекл. Мик. Лелюк

МАРИНІ

Пригортаю востанне, й рук
Розчепити не маю змоги.
Цих очей подорослішав згук,
І вбрання це школярське строге.
Відпускаю із рук, мов пташа,
Назавжди. Перехлюпує серце.
В сподіваннях притихла душа,
Наче море в сонячній спеці.
Шум прибою.
Гурзуф,

Аюдаг.

Сіль спеклась на пошерхлих устах.
Довго в небо вдивляюсь сама:
Синь безкрая,
А птахи нема.

Перекл. Мик. Лелюк

* * *

Струится свет от клёнов и берёз,
Текут, текут не землю листья.
У осени моей повадка лисья,
Она берётся крепко и всерьёз.
А то щедра бывает, как купец,
Швыряет мне кораллы и дукаты.
– Берите всё, я золотом богата,
Придёт зима, печальна и тиха... –
Я не беру, мне ничего не надо.
Но есть на свете высшая награда –
Рождается предчувствие стиха.

НАТЮРМОРТ

Жёлтые листья клёна
На красной листве винограда
Шалью цыганской покрыли
Ограду старого сада.
Осталось шафранное яблоко
На ветке высокой
В жертву зиме,
Чтоб была не такою жестокой.

* * *

Рисунки тесных каменных дворов
то серые,
то яростно охристы.
У чётких контуров деревьев
груды листьев.
Гуденье ветра,
звук колоколов.
И улицы выходят из снов.
Никто не спросит:
«Что с тобой?
Куда ты? –
В чужих домах
чужой далёкий свет.
Ни прошлого,
ни будущего нет.
А на ладони – лист продолговатый.

ПЕРЕКЛАДИ З РОСІЙСЬКОЇ

* * *

Розмай. Бентежність. Дихається влад.
Старе гніздо і ластівочок пара.
Накинй пуховий, мамин теплий плат
І вийди слухать, як звучить гітара.
Такий знайомий трепет струн нараз...
І голос несміливого Орфея.
...Бузок – і в сяйві місячнім – анфас –
Немов постала врубелівська фея.

Перекл. Мик. Лелюк

* * *

Давай майнем у глушину кудись,
Почуть зозулю, духом трав подихать.
Не вицвіли м'які рум'янці, й вись
Іще квітує над узліссям тихим.
Ще чутна голосу твого луна,
І на піщанім березі озерця
Донині припинає хтось човна,
Щоб нам пуститись знов на розсуд серця.
Хай накує зозуля безліч літ...
Не чуть тебе.
Посиротів мій світ.

Перекл. Мик. Лелюк

* * *

Занадто правди не буває.
Ні, як хліба і води,
 щоб пити й їсти.
Та щось гіркота
 на уста мої лягає
від тих прозоростінних
 істин.
Живи ! Твори! Природа
 є взірець.
Є стільки справ важливих,
 невідкладних,
Та знов чиновник мовить,
 як мудрець,
Якому все відомо,
 все підвладно.
Він нам доводить,
 що нікчемні ми,
Мов гвинтики,
 іржею скуті,
Привчені до тюрми і до суми.
А правда як?
А з правдою як бути?

* * *

Перечёркнуты хмурым дождём
Все порывы травы и ветвей.
Их усталые души
Застыли до срока.
Но оранжево светит
Цветок одинокий
И кивает при встрече
Головкой своей.

* * *

Неуютность железной дороги,
Дощатых заборов
Да сорной травы.
На задворках судьбы
Оголённые ветви и души.
Только крик воронья
Остаётся мне слушать,
И считать
Верстовые столбы.

* * *

Косые ветви на сторону сносит,
И каждый сук и узел обнажён.
Японский шёлк расписывает осень,
И день прошит не иглами – дождём.

* * *

Останется это навеки
Среди вековой тишины:
И солнце, что греет сквозь веки
У грубой кирпичной стены,
И Глебову памятник скромный,
И луг, и над лугом полёт. –
...Без этого нет у нас дома
И всё остальное – не в счёт.

* * *

Боронь, Боже!
Хіба я на жебрачку
Чимось схожа?
І досить!
Бачу вашу лють, і острах,
і тривогу,
Бо вам ніщо не рідне,
не святе.
Слова ж мої
проб'ють собі дорогу,
Коли трава
крізь серце
проросте.

* * *

Баби в хустинах теплих,
Босоніж.
Які їм злидні
випали на долю?
По чорному,
по зораному полю
Самотньо йти.
Слова облиш,
бо зайва туга,
Й лють не допоможе.
Вдивляється пильніше
погляд Божий,
Як баби босоніж
по осені ідуть.

* * *

Минає час, минає, наче мить,
І залишається давно за поворотом.
Земля моя!

За що тебе любить?

Хто зветься – зрадником,
Хтось – гордо патріотом
Ні, не за подвиги минулих літ,
Що зберегла в піснях
і серце красш...

Не за багатство,
не за пишний вид,
Не за поля від краю і до краю...

Земля моя!
За що тебе любить?

Ти мовила мені: «Не знаю».

Відверто.

Ми з тобою віч-на-віч.
...Давно було це.
Заметіль гула.

Я не дочкою – байстреням була,
Підкинутим під тин в холодну ніч.
...Але...
Притулюся плечем до стіни кам'яної
Біля церкви старої на схилах крутих.
І у луки вдивлятимусь там за Десною.
...Мені нікуди звідси іти.

* * *

Иду по тропам
осени моей,
Где серый дождь
не в силах погасить
Берёз и клёнов жёлтое сиянье,
Смягчается туманом
расстоянье.
Так зелена
бессмертная трава.
И контуры домов
намечены едва.

* * *

Приближаемся к самому краю,
Чтоб на тёмную воду взглянуть.
Облетает листва золотая,
Обнажается голая суть.
Будто свечи вокруг погасили –
Не слепят ни лучи, ни гроза.
День теплится неярко, вполсилы.
Отчего же так больно глазам?

* * *

Ночной ветер играет
на величественном органе,
Снежные струны натянуты
Между небом и землёй,
И звучит эта мелодия странно,
И лишает меня покоя.
И нет человеку в мире приюта –
Дома, как щепки, ветер слижет.
Белая мелодия звучит жутко
И колючие звуки на лунные
Струны нижет.
Бесконечен мир...
– Эге-гей! Как в поле,
И ни звука в ответ
Из безмерной выси.
Только вьются снежные смерчи-тролли,
И смотрят звёзды – глаза рассерженной рыси.
Знакомая комната выплывает причалом.
Утро... Кончился шабаш, царивший во мгле.
Меня в океане мировом укачало,
И я засыпаю на тихой земле.

1967

* * *

Кричат петухи
По холодным осенним дворам.
Кричат петухи,
Будто всплески огня и веселья.
А листья опали,
Лежат у подножья, как хлам,
И бродит садами
Угрюмое, злое похмелье.
Над чернью лесов,
Белизною полей
Закат так обманчиво
Мягок и розов.
Но нам-то известна
Упрямая вера ветвей,
Их твёрдое мужество
Жизнь уберечь от мороза.

* * *

Одинокая тихая хата,
Кто сидит за окошком твоим?
Самоварные краски заката,
А над ними свинцовый дым.
На забытом картофельном поле,
Где ни края и ни конца,
Догорает на вольной воле
Лиловатый цветок чабреца.

27 октября 2001

* * *

– Снег, близко снег! –
Кричат сорочьи стаи.
– Снег, скоро снег!
Пора! Давно пора! –
А вереск лиловатый
Доцветает,
Закованный морозом
До утра.
Под пеплом облаков
Лучи горят тревожно.
И лозы красные
Склоняются во сне.
И если на земле
Всё, говорят, возможно,
То где же солнце,
Что живёт во мне?

* * *

Не слыть, а быть,
Перед самым собою
Наедине сверяя строго счёт,
Без скидок на труды и на заботы,
Без умиления собственной работой,
Не сетуя, что обойдён судьбой.
Тебе ответит
беспощадный суд:
Так много дней потрачено впустую,
Так много дум
Крутилось вхолостую! –
А дни неумолимые идут.
И сколько ни отмерено ещё,
Ты знаешь – всё равно их будет мало.
А жизнь былая – только черновик,
И отделяет только краткий миг
От той черты, где не начать сначала.

15 мая 1980

* * *

Лишь голоса, а слов не услышать.
Что делать? Плакать? Падать на колени? –
Прохлада. Тишь. И вырезные тени,
И тёмным оком смотрит Божья Мать.
Молилась ли? – Всю жизнь свою молюсь
Цветам и травам, солнцу и деревьям.
И суверена, как язычник древний,
Как он, огня и молнии боюсь.
А голоса, от сводов отступаясь,
Стучат мне в сердце. – Что мне это пенье?
Какая между мной и ними связь?

...Как тяжелы холодные ступени.

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Моя жизнь – привокзальная площадь,
Где нету угла для лампад
И стены для иконы.
И мелькают виденья
Встреч, расставаний и прочего,
И меняются отсветы
В переплётах вокзальных окон.
А друзья исчезают,
Как будто уходят с планеты.
И безжалостно хлещут дожди,
Подрядившись на небесах.
Непослушное время
Летит огневою ракетой –
Промелькнёт и исчезнет
В вокзальных часах. –
Ожиданье? Чего?..

СНЕГ

Тревожит память горькую мою
Чистейший снег внезапной круговерти,
В нём что-то есть от пропасти, от смерти,
От той печали, что в себе таю,
От тихих сосен в золотом песке,
От старого забытого крыльца.
...Я снег сотру с любимого лица,
Пусть он не тает на моей руке.

* * *

Нежданная ноябрьская весна:
Промытые стволы, намокшие сирени.
Настроены весенние свирели –
За краткий день нарадуюсь сполна.

СОН

Мы скованы цепью, идём пустыней.
Один хочет пить,
 и клонится в сон другой.
А небо смотрит
 пронзительной жаркой синью.
И солнце кивает насмешливо
 головой.
Слова мои замерли
 и повисли, ненужные.
Тот, кто не хочет слышать –
 не услышит слов.
Были слова бесполезны,
Как лучшие в мире жемчужины,
Данные человеку, которому –
 Лишь бы хлеб да кров.
Не было пустыни.
 Были дома обыкновенные.
Обычные люди,
Одетые в обычный наряд.
Но погасла душа моя –
 невидимая и нетленная,
И разбросала я пепел
 по свету всему наугад.

1967

* * *

Мороз,
 метель,
 манящее окно.
О чём грустишь,
Младая дева? –
А дева чистый спирт
Глушила для сугрева.
Но это было так давно, давно.
И дым валил – нахолодал очаг,
И куры трепыхались
В тесной клетке.
И у Натальи Дмитриевны –
Соседки –
Слеза застыла**
В голубых очах.

1968

МЕЛОДИЯ БЕЛОГО СНЕГА

1

Не верь первому снегу обманному,
Не верь рассвету туманному:
При снеге всё чисто и гладко,
В тумане всё – загадка.
Отец умирал при снеге,
На раннем холодном рассвете.
Кружились белые смерчи.
...Мы все одиноки в смерти.

1974

2

22 декабря 1988 г.
(Землетрясение в Армении)

Мелодия белого снега
Звучит и звучит неустанно.
Мелодия белого снега
Во всей красоте первожданной
Ещё не пропитана гарью,
Ещё не разъята на части.
Мелодия белого снега
Звучит, будто радость и счастье.
Над горем бездомных и нищих –
Мелодия белого снега,
Над чёрным звучит пепелищем,
И негде укрыться от снега,
И нету от горя защиты. –
Под снегом бездушным
Развалины горькие скрыты.

* * *

Продавала бабка белые холсты,
А на них узоры были не просты:
В них сплетались птицы –
Журавли, синицы,
Чёрные дороги,
Красные цветы,
Красные – как блики дальнего огня.
– Вспоминайте, люди добрые, меня.

ОТДЫХ

На зелёной ограде
Венки золотого лука.
За оградой
Картошку сушит старуха.
Понянчит каждую
пальцем
(Видит плохо),
Откинет побитую,
Чтоб зимовала картоха.
Вынесет красные яблоки
К самой дороге:
– Любуйтесь, добрые люди,
А я отдохну немного.

А. И. ГИТОВИЧУ

Твоё лицо – лицо бродяги.
Такой усталый, скорбный взгляд.
И руки – будто две коряги –
На подлокотниках лежат.
Ты прошагал уже полмира
И сел у тихого окна.
Твоя московская квартира,
Как клетка малая, тесна.
Но знаешь ты: уже не сняться,
Не побежать, не полететь.
Шаги отмеренные – двадцать,
И ждёт раскрытая постель.
Но – не умеющий смириться –
Ты жаждешь видеть,
 слышать,
 жить,
И смотришь взглядом пленной птицы...
А Парки обрезают нить.

3

Метель как женщина, была –
Кружилась, танцевала, жгла.
То вдруг помчится за тобой,
То убегает прочь.
И всё любит себя собой
При фонарях всю ночь.

* * *

О, эта круговерть тепла и стужи,
И дерево – застывшее снаружи
И ветви протянувшее в окно... –
Как это было близко и давно:
Февральских окон чистое стекло,
Обманчивое солнце и капли,
И радостно, и зябко, и тепло, –
Как будто очутились мы в апреле.

ФЕВРАЛЬ

К берёзе щекой прижимаюсь,
Кору согреваю рукой.
Осталась ничтожная малость –
И сдвинется к чёрту покой.
Игра предвесеннего света
Скользит и скользит по лицу.
Но скоро возникнут соцветья
И пустят по ветру пыльцу.
И наст снеговой под ногами,
И стынет от ветра щека,
Но снег пробивает упрямо
Упрямая стрелка ростка.
А след самолёта – как росчерк:
Читай, мол, родная земля.
На белом – вся белая роща,
Слепящая синь февраля.

* * *

Движенье волн песком повторено –
Так в наших жилах бьётся пульс Вселенной,
Так бредит солнцем мутное вино,
Пока не станет чище, откровенней.
Как боль моя бывшая далека...
Любовь и Смерть. Я с этим не шутила.
Я знаю хорошо, что облака –
Скопленье влаги с отблеском светила.
Всё в мире объяснимо:
Чуда нет,
И миражи – лишь отраженье света,
И ветер унесёт их лёгкий след.
...Но только вот к чему мне
Знанье это?

И свет, и тепло,
И хозяйки весёлой улыбка,
И под печкой уютной сверчок. –
Вот об этом расскажет
Потемневшая старая скрипка
Да капризный и тонкий смычок.

* * *

И стадо спит,
И пёс ворчит во сне,
Лишь Альтаир глядит
Бессонно, вечно,
И возникает голос в тишине,
Высокий
И печально-человечный.
Чуть тронут бубен
Тонкие персты.
Слова однообразны и просты,
Как путь в пустыне
Строго-неизменной.
... Ты болен, стар и очень одинок,
Приёмника зелёный огонёк
Тебя сближает с миром
И Вселенной.

МАРТ

Март так похож на северное море:
Сугробы – словно вспененные волны,
И ветер западный отяжелел
От влаги,
И гонит тучи к берегу, как льдины,
И открывает синее пространство,
Как воду среди льдин.
И дым качает ветер на волнах,
И голуби – прибитые туманом –
Глядят в окошко круглыми глазами.
И люди ходят осторожно, шатко,
И ускользает серая громада,
Как палуба уходит из-под ног.

Но где-то за туманом
Притаился апрель,
Смеётся, щурит
Весёлые весенние глаза,
Насвистывает песни беззаботно –
И тянется трава к нему навстречу
Из-под сугробов
вспененных, как волны.

ТРАДИЦИОННОЕ

Ещё Десна под тонким льдом молчит
И по утрам от стужи стыннут пальцы.
На тонкие невидимые пальцы
Натянуты весенние лучи.
К полудню звук капли за стеклом,
Играет март на вечном клавесине,
И кажется, что меркнут ложь и зло
Пред этою мелодией всеильной.
И кажется, что мы проникли в суть
Вещей, в своё предназначенье,
Что наконец-то найдено решенье,
Как этот мир вверх дном перевернуть.
Уйдёт всё наносное – ложь и муть,
Всё объясним, в чём истинное счастье...

... Так велико весеннее всевластье,
И так легко опять нас обмануть.

СКРИПКА В ПОКИНУТОМ ДОМЕ

По Холодным Ярам
Запоздалые ливни шумят
И уносят остатки зимы.
По Холодным Ярам
Злые ветры скользят,
Злые взгляды сверлят
Из-за каждой стены.
Здесь старухам знакомы
Заклятья, божба и пророчества.
От глухих переулков
Несложно лишиться ума.
Здесь в осенние ночи
Острой одиночество,
И намного свирепей и дольше
Зима.
... Прилепился домишко к оврагу,
К сыпучему краю.
Будто старый скворешник –
Такое увидишь в кино.
– Где хозяин? – Не знаю.
– Где хозяйка? – Не знаю.
Пусто, холодно, сыро, темно.
Скрипнут дверь, половицы
Да жалобно дрогнет окно.
В серых сумерках
В книге сливаются строчки.
Только видимость дома,
Его оболочка.
А душа?
А душа улетела давно.
А ведь было:

* * *

Убывает горячее лето.
Уменьшается время света...
На скамейке у старого дома
Сидит старик незнакомый –
Спокоен и одинок,
И держит в руках цветок:
То к глазам поднесёт,
 то к губам.
Что-то шепчет
 (стихи читает?),
Удивлённо на солнце глядит.
Вспоминает, что позади.
Не гадает –
 что впереди.
Так случилось:
 за трудной работой,
Повседневной житейской заботой
Когда надо так много успеть,
Не успел он
 цветы разглядеть.
...Давит время на старые плечи.
Красота остаётся вечной.

* * *

Переплелись весна и вьюга,
И – видно – борются всерьёз:
То ветер тёплый дышит с юга,
То резанёт крутой мороз.
Такое долгое ненастье! –
Снега сугробы намели.
Но – вестники весны и счастья –
Пушисто ивы расцвели.
А где-то за семью морями,
Почуяв, что подтаял лёд,
Там птицы кружатся кругами,
Готовясь в новый перелёт.
Встречайте их, озёра чистые,
И поймы рек, и сень лесов!
И пусть не потревожат выстрелы
Их звонких птичьих голосов.

ПРОВИНЦИЯ

Прозябну
на мартовском синем ветру,
на белом юру,
Над ещё не открывшейся далью.
Покрыта снегами Десна,
как парчовою шалью,
И ждут навигации
в новом кирпичном порту.
И всё повторится:
и ласточек точный полёт,
И тишь предрассветных мгновений,
когда притаились машины.
Под кровлей зелёной
усталые дремлют мужчины,
А в пышной сирени
манящее чьё-то окно,
И в парке старинном
старинное стихло кино... –
Но в детские годы
был выдумкой мир обозначен:
Был парк над рекою,
как джунгли,
манящим и древним,
Стояли вигвамы – не избы!
– в ближайшей деревне.
И дальней землёю
казался нам
остров Телячий...

* * *

Ветер в поле, вьюга в поле
Правит ворожбу.
Вышивала на приволье
Девушка судьбу.
И на белом строчкой длинной
Чередую шли
Ярко-алый цвет калины,
Чёрный цвет земли.

Был разор и страх великий,
Жизнь сменяла жизнь,
Листья хмеля, повилики
Вкруг могил вились.
Но, нетленны, как святыня –
Через годы шли
Ярко-алый цвет калины,
Чёрный цвет земли.

* * *

Я – залётная птица,
Не ваших кровей,
Из далёких туманов
Сюда залетела случайно.
Над крестами соборов,
Над серым холстом площадей
Пронесла свою боль,
Свою тайну.

Я – залётная птица.
Мне биться крылом о стекло,
К невозможной свободе
Душою стремиться. –
Не держите меня,
Умножая ненужное зло.
Отпустите меня:
Я – залётная птица.

ВРЕМЯ ПРИШЛО (цикл о природе)

*

За Десною снега глубоки, глубоки,
А лоза распушилась у самой реки.
Что мороз? Что метель? Всем циклонам назло
Расцвела и живёт. Значит – время пришло.

*

Так скована река, что кажется – навечно.
Где ей преодолеть угрюмого врага!
... На южной стороне подтаяли снега –
Зелёная трава проглянула беспечно.

*

Этот медленный танец
Последней метели
Так не к месту. –
В проталинах чёрных поля.
Выпрямляют вершины угрюмые ели
И затёкшими иглами чуть шевелят.
У оврага, где снег так упрям
И спрессован,
Загорелись цветы –
Как огни у часовен.

1 апр. 1987

*

Растёт трава. Весь мир – в зелёном.
Всё меньше стало луж.
На пустыре за стадионом
Проснулся старый уж.

*

Пробуя крылья робко,
Стрекозы летят над тропкой.
Опускаются на кусты
То ли бабочки, то ли цветы.

*

Качели снег стряхнули,
Качнулись... И вздохнули.

*

А дятлу без дела
 совсем не сидится,
Так много деревьев –
 лечи поскорей.
В театре
 дают представление синицы,
Пока он ещё не открыт для людей.

* * *

Одна зеленоватая звезда
Горит и освещает мне дорогу,
И доведёт до самого порога, –
Не хочет расставаться навсегда.
Мне говорит:

 «С собой меня возьми,

Так буду я светить тебе за это,
Что ваши худосочные огни? –
Я всё-таки звезда,
Такая пропасть света!»
– До звёзд ли мне?

И слышу я:

– Всегда!

Зачем нам быть в разлуке? –

И тянет мне в окно

 лучи,

 как руки,

Моя зеленоватая звезда.

Март 1980

* * *

Обещанные ливни не прошли,
И небо безмятежно и белёсо.
Но змеи пыли крутятся вдали,
К подножию песчаного откоса.
Я всё хочу судьбу переменить,
Сама себя обманывая грубо.
И вечный возглас «Быть или не быть»
Бессмысленно и жалко шепчут губы.
Но это «быть» уходит с каждым днём
В небытие, в траву, в песок и глину,
В тот край, что называют «вечным сном»...
А может, раем? –
Только не чужбиной.

* * *

Ильинская церковь,
Сиянье снегов и огней,
И мы молодые,
И сани сквозь вьюгу летят.
И кажется: будет
Так много подобных ночей! –
...Была лишь одна.
И кино не прокрутишь назад.

*

На Кордовке, в загоне
Весны дождались кони.

*

Оживают лягушки
в холодной купели,
На весенние ноты
настроив свирели.

*

Олень здороваётся с нами
И к хлебу тянется губами.

*

Лошадка трусит
между голых берёз.
Апрель за работу
берётся всерьёз.
И скоро берёзы и клёны с осинами
Наденут наряды
и станут красивыми.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

На горе над Десною – храм,
Храм, открытый семи ветрам.
Цвет Десны у крутых берегов
Хмур ещё, неприветлив, суров.

По весенней холодной воде
Льды идут, как быки в борозде.
На крутых и высоких стенах
Заблудилась берёзка во мхах,
И стоит на горе – всем видна,
И в серёжки рядится: весна!

Не засмотренный тысячью глаз,
Не захоженный тысячью ног,
Даже пыль ещё не легла
На старинные плиты дорог.

1965

* * *

Не птицы мы –
бескрылы, приземлённы.
Повязаны, как путами, родством.
Мы так привыкли соблюдать законы,
Блюсти приличья,
охранять свой дом.
А, может быть, совсем не в этом дело? –
Так важен тон,
и не важны слова.
... Душа моя, как тетива, звенела
И обрывалась,
будто тетива.

* * *

Простейший выбор –
Быть или не быть,
А если быть, то с кем,
Какой ценою.
Но метроном проснулся
За стеною,
И не хватило времени
Решить.

Январь 1980

Х

НЕПОСЛУШНОЕ ВРЕМЯ

* * *

Мне так и быть – скитальцем
и поэтом:
Ни власть любви, ни тишина,
ни дом
Мне не заменят нежные приветы
Бегущих мимо сосен за окном.
Всё позади –
заботы и печали,
Лишь ритм колёс
да чьей-то речи звук.
И сладко сознавать, что путь – в начале,
И больно вспоминать
прощанье рук.
И никогда мне не вернуться снова,
А прошлое всегда, как рай.
Я не боюсь мучительного слова –
Всему, что было,
я скажу: прощай.
Пуškai встречают новые рассветы,
А память верная
пусть лучше помолчит.
Мне так и быть – скитальцем
и поэтом –
Всё забывать, пока мой поезд мчит.

Июль 1957

* * *

Глубоки предвесенние тени
От сугробов, деревьев, домов.
Полудённой капли смятенье,
Крик ворон над далёким селом.
У Десны, где следы – как колодцы,
Расцвела, распушилась верба.
Жук летает, берёза смеётся,
И кружится слегка голова.

* * *

Повисли серёжки
на тоненьких нитях весны,
Кидаются в полдень,
купаются в солнце весёлом.
И ближняя роща
мне вовсе не кажется голой,
Хоть первые листья
ещё на ветвях не видны.

* * *

К моим рукам прикосновенье
Весенних струй
Неуловимо, как мгновенье,
Как поцелуй.
Струится иней невесомый,
Стекаая вниз.
Пронизывает до оскомы
Пичужий свист.

* * *

Рощи – сквозные.
Ни тени.
Небо сквозь деревца.
Моют берёзам колени
Синие озерца.
Круглые, словно мячики,
Дети весенних лучей
Прыгают одуванчики
Через весёлый ручей.

15 апрель 1967

МАРИЯ

Рисовали тебя то крестьянкой,
То юной богиней.
Были детскими губы
И тайная горечь в глазах.
И сидели младенцы
Печальные и нагие
На твоих материнских руках.
Выносили тебя на погромы
Как знак своей веры и власти,
Перед долгой разлукой
Тобою клялись,
И молили тебя о спасенье,
О мире и счастье... –
Даровала ли ты
Им спасенье и жизнь?
Удивлялась ли ты:
«Кому молитесь, сирые люди?
Я из жаркой пустыни,
Где плавится красный закат.
Был евреем мой сын,
Был евреем проклятый Иуда,
И еврейские тайны
Хранит мой уклончивый взгляд.
Для иных я крестьянка,
Для других я Богиня, Мадонна,
Верят в силу мою
Врачевать и спасать.
Что мне ваши молитвы,
Проклятья и стоны? –
Возвратите мне сына,
Довольно его распинать».

* * *

Ваганьково кладбище –
Испокон веку.
Негде прилечь человеку.
В три этажа могилы
(А может, и боле!).
Притерпелись сторожа к чужой боли.
Человеку нужны алтари,
Сколько ни тверди:
«Кумира не сотвори!» –
И ведёт дорога к Высоцкому,
Как к божеству высокому.
Цветами устлана
Дорога та,
Слезами горькими
Залита.
Забулдыга чокнется
С портретом:
– Помолюсь за тебя
На свете этом. –
И, осенив себя крестом:
– А ты молись за меня на том... –
Включат маги:
– Держись, братва!
Здесь и мёртвый
Не уснёт до утра.
– Хулиганить не положено,
Тише, граждане!
Свиданье обеспечено
Будет каждому.
... То ли плачу я, то ли пою,
Кони вздыблены на самом краю.
Обдала вечность студёным ветром.
Осталась песня,
Да и та – не допета.

* * *

Опять весны знакомые приметы:
Разлив,
 разлив,
 разлив со всех сторон.
И – сотворённый из воды и света –
Цветёт по перелескам
 синий сон.

* * *

Нигде так не пахнет травую
(Как будто в деревне, на выгоне),
Ни солнцем, ни дымом весною,
Как дома у нас, над Десною,
На славном Валу, в Чернигове.
Пьянею от запаха вешнего,
Готова припасть в поклоне.
И тянут ко мне черешни
Свои молодые ладони.

* * *

О чём мечтают ели в парке,
Где расчищены дорожки
И ровно подстрижена трава?
Где стоят скамейки,
Слишком большие для влюблённых? –
Ели видят сумеречный лес,
Чувствуют запах грибов
И прошлогодних трав.
Их вершины полощутся
В голубом небе,
А корни крепко держат
Землю.
...Но, может быть, они
 не думают об этом? –
Ведь их вырастили, как
Цыплят в инкубаторе.
Их отучили так же, как нас,
От сладости воли
И полноты жизни,
Заставили жить вблизи от асфальта
И брызжущих парами бензина машин.
Давит нас одна и та же сила –
Цивилизация.
Поэтому я люблю вас,
Ели,
Люблю весной вашу
Кислую молодую хвою. –
И во мне дремлют
Инстинкты предков:
Люблю ваш сумрак
И ваши вершины,
Мечтающие о синем небе.

ПУШКИН

Ты сидишь немного картинно
(Таким увидел тебя художник).
Бродят тени от зелени лип
По твоему бронзовому
 юношескому лицу.
Я люблю тебя таким. –
Ещё всё в будущем,
Твоё перо отточено,
На столе бумага.
Всё впереди –
Любовь,
 смерть,
 слава.
Ты – звук речи,
Которую я люблю.
Ты – лукоморье,
О котором я мечтаю,
Глядя из окон
Летающего поезда.
Ты – то, что не может пройти,
Чему нельзя подражать
(Кто подражает свету солнца?)
ты – мысль и музыка.
Ты – Пушкин.

3 июня 1974

* * *

Рыжей девке
с могучими икрами
по душе
молодецкие игры,
сытный ужин
да чарка вина,
да ещё наряжаться охота.
Но влюблённому Дон-Кихоту
неземной представлялась она.
Он писал ей любовные стансы
и коснуться руки
боялся.
Он лишь ею
дышал и жил
(чем немало
её смешил).
Площадную брань,
не краснея,
повторяла его Дульсинея.
Но бывают в иные
мгновенья
и у рыжей девки
сомненья,
и тоска за горло берёт:
– Может быть, я себя
не знаю.
Может, я и вправду
такая,
как поёт
обо мне Дон-Кихот?..

* * *

Цветенье. Радость. Дышится легко.
У старого гнезда касаток пара.
Закутай плечи маминым платком
Да выйди слушать тихую гитару.

Такой знакомый перебор возник,
И юношеский голос пел, робея.
...Сирень в цвету, и лунный свет, и лик –
Совсем такой у врубелевской феи...

1974

* * *

При стопроцентной
Точке росы,
Называемой туманом,
Не гаснут рыжеволосые
Листья берёз;
Но, их один за другим
Обрывает ветер,
И они ложатся у подножия
Золотым ковром,
И будут сиять
До мороза и снега,
Их не погасить влаге,
Именуемой точкой росы.

* * *

Не прощай мне ни лени, ни лести,
Громких слов и восторгов пустых.
Воскреси меня лет через двести,
Воскреси меня снова на миг.
Всё прекрасно –

и краски, и линии,

Космодромы и улиц простор,
От лучей метеоров и ливней
Над землёю прозрачный шатёр.
Всё вокруг незнакомо и чуждо.
Но у ног, из песчаной земли
Две травинки, два истинных чуда,
Как в былые года, проросли.
И запахнет апрельскою талью,
Дымом,
духом отмершей листвы.
И посмотрят с такою печалью
За стеклянной стеною цветы.

* * *

...И я проснулась
молодой, окрепшей.
Всё горькое, всё страшное ушло.
И было так за окнами светло,
Так празднично! –
Опять цвели черешни.

Для неё ль рассудок?
Сказала – нет,
И не моли – молчи.
...Расплата – смерть,
По капле кровь стекает:
– Прости за безответную любовь.
Прими, земля,
Я дочь твоя земная,
Укрой меня,
Но я воскресну вновь.
И поведу плечом,
И затанцую,
И ты простишь мне тысячи измен.
И не забудешь грешную –
Святую...

Над временем,
Над судьбами –
Кармен.

КАРМЕН-СЮИТА

Майе Плисецкой

Над временем,
Над судьбами людскими,
Над тайнами ракетных полигонов
Звучит Кармен затасканное имя
Так перевозданно, мудро, обновлённо.
Не с розою в зубах,
Не с локоном спиралью,
Не с шалью, что кистями до земли,
Цыганской разудалою печалью
Неплачущие очи расцвели.
Она – и слёзы?
Нет, не совместимы.
Она – и просьбы?
Не по чину ей.
Она и воля
Так неразделимы,
Как с буйным ветром
Тишина полей.
Прекрасна ли?
Да что об этом скажешь:
Неторопливо поведёт плечом –
И всё свершишь,
Всё, что она прикажет,
И всё на свете станет нипочём.
Бесстыжая?
Но кто её осудит!
Так руки гибки,
Губы горячи.
Не остановишь!

* * *

Такое хрупкое тепло –
Как лихорадка у больного.
Заледенило ветром снова,
Цветами с вишен понесло. –
Такое хрупкое тепло...

И сникли пчёлы,
и пропали.
Лишь ветлы тонкие в печали
Наивно не приемлют зло. –
Такое хрупкое тепло...

И уплывает
речкой цвет,
Пыльцы тончайшей
жёлтый след.
Сияет солнце сквозь стекло...
Такое хрупкое тепло.

* * *

Рябины цыганские шали
Да девичья поступь берёз –
Вся ваша краса и печали
Воспеты давно и всерьёз.
Напрасно искать сочетанья
(метафор – и тех не найдёшь),
Пока не схватило страданье
За горло. Тогда ты поймёшь,
Что близко черта. И засветят,
Как чудо, в дождливом стекле
Косые и голые ветви –
Вся радость твоя на земле.

ГЕРТРУДА

1

Я – королева.
Соглашатель я.
Непримиримое
Мирю,
Стремясь к покою.
И потому я многого не стою.
Мой Гамлет, ты прости,
Не упрекай меня.
Твои слова оправданно
Жестоки.
Иди своим путём,
Ищи истоки,
Презренный рай
На ад
В честь истины
Меняй.
И страшных истин
Тайны постигай.

2

Я башмаков ещё не износила.
В дни траура я не была одна.
Я стыд падения
Изведала до дна.
Завеса спала с глаз.
И в тех же башмаках
Я ухожу от вас.

* * *

Играй, актёр,
 играй и не стыдись
Наивной фабулы,
Высоких декламаций.
Играешь королю –
И может стать,
Что ты предугадал
Судьбу мою.
Король собой владеет,
Он – герой,
Цена актёрам – грош
(Кто этого не знает!),
Не стоит лицедеёв
Привечать...
Но тот, отравленный,
На сцене умирает. –
...Как побледнела
Королева-мать.

ДОМ

Был дом косою,
С таким наклоном –
Коснись чуть-чуть,
И может лечь.
И в кухне тёмной,
Небелёной
Холодная пухнет печь.
И по ночам
Король мышиный
Давал весёлые балы,
И пахло мокрой
Парусиной,
Скрипели
Старые полы.
Нежданно ливни налетали,
То свет, то всё вокруг темно.
Упруго ветви проникали
В полуприкрытое окно.
И в час ночной,
Бессонный, поздний,
Луч падал на мои глаза.
В углу таинственно и грозно
Вдруг оживали образа
...А время, всё отодвигая –
Дождь и мышиную возню, –
Мне оставляет ночь, весну
И запахи, и шелест мая.

II

НЕТЕРПЕНЬЕ СЕРДЦА

БЕЛЫЕ НОЧИ

Розовые отсветы зари
Белыми бессонными ночами.
Отзовусь я – только позови
Нежными и робкими словами.
Розовые отсветы зари...

Неужели счастье – мотылёк?
Крыльями махнуло и – пропало:
Слишком жарок свечки огонёк,
Слишком долго сердце ожидало...
Неужели счастье – мотылёк?

Побегут трамвайные пути.
В ночь вплетётся утро незаметно...
Но куда мне от себя уйти,
У кого спросить могу совета? –
Побегут трамвайные пути...

Розовые отсветы зари...
Белыми бессонными ночами.
Отзовусь я – только позови
Нежными и робкими словами.

Лишь этот Эльбрус
За окном,
Эта тетрадь
Да раскрытая книга.

1980

ДЖОКОНДА

Обманчивый покой во всей вселенной.
Обманчивый...
А руки на коленях.
А позади спокойная река.
Неторопливы облаков кочевья.
Застывшие не на день – на века,
Не шелохнутся тихие деревья.
И, судьбы мира зная наперёд,
Глядит она внимательно сквозь годы.
Глаза печальны. Но изогнут рот
Всезнающей улыбкою Джоконды.

ДОМИК ЛЕРМОНТОВА

Сколько осталось весёлых
И солнечных дней?
Прячется вечный Эльбрус
В предрассветном тумане.
Вот ты стоишь, чуть согнувшись,
В проёме дверей.
Падают гулко о землю
Тугие каштаны.
Тихая роза
На тонком стебле
Всё доцветает.
А время –
 октябрь на исходе.
Вот бы сейчас
Очутиться привычно в седле
И через пропасть лететь
На шальном переходе.
Но перестрелки утихли.
В домах зажигают огни.
Руки изнеженных дам
Чуть касаются клавиш.
«Будто сквозь пальцы песок,
Мои уменьшаются дни.
Спи, мой Кавказ,
Ты до смерти меня не оставишь».
.....
Годы прошли после ливня
И страшного мига.
Пусть и каштаны,
И осень, и роза
Случались потом, –
Вечными были

ЛУННЫЙ СВЕТ

Мы с тобой на планете иной.
Здесь и свет – голубой-голубой!
И знакомых домов здесь нет. –
Лунный свет...

Наша комната в два окна
Тоже сказочным светом полна.
На полу тёмной рамы след. –
Лунный свет.

Только солнце в твоих руках,
Только солнце в твоих губах. –
Буду помнить я много лет
Лунный свет.

ЛЮБОВЬ

Предчувствие, возникшее
Вначале.
Вкус снега на губах,
Как знак печали.
Определение любви
Бессмысленно и зыбко:
Гримаса боли,
Страх, полуулыбка,
Боязнь разрушить...
Удержать... – Но как?
...Растает, как снежинка
На губах.
И только привкус
Снега и печали –
Предчувствие, возникшее
Вначале.

2 января 2000

* * *

Мы всё играем, всё играем,
Перенимаем у Феллини
Перипетии старых фильмов
И масок вечную игру.
Но всё придумано не нами,
И даже самый гениальный
Так много подсмотрел у жизни,
Что смастерил лишь плагиат.

АРЕНА

*

Вам не приелось, не постыло это?
С ума сойти от праздника и света,
От музыки, что часто невпопад,
От синяков, что здорово болят,
От духа псины,
Пота лошадей,
От рук и глаз сидящих здесь людей,
От собственных поклонов и приветов.
Вам не постыло, не приелось это?

*

Античный профиль старого бродяги,
Шлем из фольги, одежда из бумаги.
Но яркий свет глаза твои слепит,
И в сотый раз сегодня ты убит.
Ты рад прилечь на жёсткую арену,
Ты передышке краткой знаешь цену.
В конце спектакля – кланяться, вставать,
И снова жить... И снова умирать.

*

Ты жив ещё, средневековый шут,
Ты жив, пусть сотни раз тебя убьют,
Но смеха не сотрёшь с упрямых губ,
Но смеха не убьёшь – ведь смех твой груб.
И стар твой арсенал пинков и зуботычин,
Но всё же – как от прочих он отличен!
Арена – жизнь.
И, отвергая ложь,
С ума от повторений не сойдёшь.

* * *

Степные травы
в изголовье,
Да тихий посвист:
«пить» да «пить».
...Мы так обожжены
любовью,
Что раны старые
не скрыть.
Саднят к дождю
и непогоде,
Горят, бессонные, в ночах.
Во сне забытое приходит.
Проснёшься – слёзы
на глазах.

* * *

Безымянные травы,
Но я узнаю их в лицо,
Я беседую с ними,
Ласкаю их тонкие руки.
Как цветут они яростно
Перед недалёким концом,
Покрывая собою луга
И речные излуки.
Ты расскажешь о силе,
Что скрыта в июльских цветах,
Об их свойствах могучих
Излечивать боль и печали.
Золотые лягушки
На влажных широких листьях
Остаются такими,
Как были у мира в начале.
Мы под ивою тихой
Разделим немудрый припас,
Посмеёмся, пошутим
Без скрытого в слове значенья,
И никто в целом мире
Подумать не сможет про нас,
Что легла между нами
Холодная тень отчужденья.

Расходится публика.

Гаснет свет.

О, как ты ждал этой минуты!

Теперь можно сбросить

тесный жилет,

Ботфорты и прочие атрибуты.

Взглянуть, притих ли нервный

Акбар,

Не бьётся ли в клетке упрямая

Сильва.

И вдруг почувствовать, что так

устал,

Что даже уснуть не хватает силы.

РАБОТА

В цирке пахнет звериным потом,
Лошадьми и опилками влажными.
На манеже – работа,
Работа людей отважных.
Здесь ни блата, ни показухи,
Игра со смертью – тут не до блата!
И ахают в партере старухи,
И гулко хлопают солдаты.
Нет ни начальства, ни подчинённых,
Всё рассчитано очень строго.
Есть номер, арена
И ты – обнажённый,
Стоишь перед публикой,
Как перед Богом.
Юпитеры в зрачки звериных
 глаз
Бьют, вызывая досаду и злобу.
Вот когда твоя начинается
 власть.
– Есть желающие мой хлеб
 попробовать? –
Мысли звериные не вымерить, не узнать.
– Братья меньшие, вы вправе на нас
 сердиться
(А при случае – и с потрохами сожрать!),
Но сегодня прошу ещё раз
 смириться.
...Парад-алле!
Такой момент:
Блеск мишуры и одежд атласных,
В публику – вежливый комплимент,
Взгляд любовный, чуть ли не страстный..

* * *

Шаги твои по-юному легки,
А мысли не со мной,
 в дороге где-то.
Но этот взгляд,
 но слабый жест руки
На зыбкой грани
 ночи и рассвета.
Была в них оградящая власть,
Я по огню и льду
 пройти сумела.
Смеялись надо мной
 заливисто и власть,
Да мне до своры этой что за дело?
В меня бросали
 грязью и песком,
Но был рассвет,
 но плыли в небе тучи.
И власть любви
 была такой могучей,
Что по сравнению с ней
 всё было пустяком.

1981

* * *

Ягоды рябины желто-розовы,
Словно капли крови
На снегу.
Пахнет в сенцах
Веником берёзовым... –
Я к тебе с крыльца
Сейчас сбегу.
По сугробам,
Первопутком снежным,
Сердце захолонуло
От счастья,
Я бегу к тебе
Такая прежняя,
Будто не пришлось
Нам разлучаться.
Не было других –
Чужих, ненужных.
Ну, поверь! Согрей же
От мороза! –
Мой единственный,
Мой суженый,
Здоров ли? –
Ты молчишь.
Рябиной ярко-розовой
На снегу застыла
Капля крови...

14 нояб. 1961

КОМЕДИАНТЫ

Комедианты чхали:
Что им царь? –
Смеясь над властью
В шутовских куплетах.
И криво усмехался
Государь
И хлопал,
Ненавидя их за это.
И только им – юродствуя,
Лукавя –
Не страшно было
Правду говорить.
А может, страшно?
Что терять им... Славу...
Награды... Почести...
Хоромы... Стыд...
Нет.
Только жизнь.
От храбрости хмелея,
Они смеялись,
Разбиваясь в кровь.
Что ж, рубище теряли, –
Не ливреи.
Хвала комедиантам
Всех веков.

1968

IX

НАД ВРЕМЕНЕМ

* * *

Было, было. Быльём поросло,
Словно фреска под новой побелкою.
И божественное ремесло
Заменили дешёвой поделкою.
Свыклись с ровною белизной,
Да с цветочками синь-лазоревыми.
Но пробился сквозь стены огонь
Небывалой, святой гармонии.

Кто замазал? И кто воскресил,
Негодую, смеясь и плача? –
Всё слова. Не хватает сил.
Всё слова. И так мало значат.

* * *

Эта мудрость презренна,
К лицу она слабым и хилым.
Я хочу быть не мудрой
До конца, до могилы:
Не таясь, не скрываясь,
И плакать хочу, и смеяться.
Эта мудрость презренна,
И нечего зря притворяться.

* * *

Говорено столько,
Что просто осмыслить нельзя!
Намечено столько! –
Но нам не впервой ошибаться.
По лезвию слов
Так привычно скользя,
Мы будем
 в уста целовать
Или лбами сшибаться...

* * *

Я из тех собак,
Что привыкают к хозяину
Вопреки логике и здравому смыслу:
Бегут за ним по осенней
Холодной грязи
И не знают,
Что получают
В следующую минуту –
Пинок, злое слово
Или кость.

* * *

Не надо ни денег, ни дома,
Ни пуха и ни пера.
Усну, накрывшись соломой,
В углу чужого двора.
И вправду: зачем эти вещи,
Тоска о потерянных днях?.. –
А дождь, подрядившийся, хлещет
И гасит и слёзы, и страх...

* * *

Я постигаю тайну мастерства:
В простых вещах лежит его основа.
Хоть ускользает нужное мне слово,
Но крепнет чувство кровного родства.
Чужая женщина напоминает мать
Неуловимым сходством черт и позы.
Непрошенные старческие слёзы
Она рукой торопится убрать.
Усталый человек упал в траву,
И медленно машина остывает,
И облако над ними проплывает, –
Родное всё... и с этим я живу.
И рано-рано запевают птицы,
И цвет лазоревый – как пёрышко синицы,
Горит в траве и манит за собой.
И руки не чураются работы,
Сложна ль она или совсем проста.
Плачу за всё усталостью и потом.
...Я постигаю тайну мастерства...

ЧЕРНИГОВУ

От речки ли чёрной,
От князя ли Чёрного
Пошло твоё имя,
Пусть спорят учёные,
А мне твоё имя –
Не просто название,
А мне твоё имя,
Как жизни дыхание...

* * *

Неторопливые буксиры,
Неторопливая река.
И кажется – всё прочно в мире,
И всё не на день – на века:
И этих лёгких туч кочевья,
И всё вокруг, что видишь ты... –
Но как беспомощны деревья!
Но как беспомощны цветы! –
От паутин тончайших нитей
До птиц, парящих в вышине,
Всё так нуждается в защите,
Покое, ласке, тишине.

* * *

Не любовь, не память –
Просто сон.
Ты сидишь. В коленях голова.
Свет луны,
И от моих окон
На полу квадратики
Горят.
Не додумав горе до конца,
Я тебя жалею всё равно.
Ты уходишь, не открыв лица,
Предав и забыв меня давно.

* * *

Уходи.
Не скажу ни слова.
Что ты медлишь?
Чего ты ждёшь?
День холстиною заткан суровой:
Опускается нитями дождь.
Отвернусь,
засмотрюсь на оконце.
Надо жить.
Надо жить как-нибудь.
Хорошо, что не светит солнце,
Освещая оставшийся путь...

Сентябрь 1980

* * *

Над пропастью, у жизни на краю,
О ком ещё могу судьбу просить? –
Я так тебя отчаянно люблю,
Что тьму и свет не в силах различить.
Но снег кругом, и реки лёд сковал,
И сердце неотзывчиво твоё.
Куда бежать? –
Идёт девятый вал,
И всякий смысл
Теряет бытие.

ПРИЗРАК

Так долго я за призраком бежала.
А он скользил,
и таял,
и терялся,
Но всё же был.
Ведь чей-то след остался,
Когда его вблизи меня не стало.

1983

* * *

Придорожные сёла:
сельсовет, магазин,
Не шалуют собаки
от проезжих машин.
И на ивах корявых,
как в крепких ладонях,
Аистинные гнёзда
на небосклоне.
За морями, лесами
собираются стаи
И сюда прилетают –
в эти древние гнёзда.
И деревья, и кручи –
нет на свете земли
Ни роднее, ни лучше...
Приросло моё сердце,
и корни не вырвать.
Тает лёд на Десне –
возникает Чернигов.

8 апреля 1980

АНДРЕЕВСКИЙ СПУСК

1.

Смешенье стилей и эпох.
Что здесь осталось от былого?
Растаяло в пространстве слово,
И звук шагов, и чей-то вздох.
И пусть сусальна красота,
Лазурь и пурпур с позолотой,
Но – гармонируя с природой –
Так вдруг становится чиста.

2.

Печаль ноябрьских дней,
Листвы сплошной полёт.
Так греет солнце издали несмело.
И, наклонясь от ветра, парус белый
По хмурому Днепру плывёт.

* * *

Торгует Бессарабка деловито.
А сколько ярких красок здесь разлито!
Сюда фламандцев бы с их роскошью и мощью.
Притихнет Бессарабка только ночью.
И прислонясь к прилавку
(дня не возвратить),
Цыган усталый пиво будет пить.

* * *

*Всё на земле умрёт – и мать, и младость.
Жена изменит, и покинет друг.
А. Блок*

Мне чёрных слов вовеки не стереть.
Бессильны время и слова другие.
Те были озлоблённые, нагие,
Как никогда :

разлука,
пропасть,
смерть.

Но, на себя взглянув со стороны,
Я понимаю:
нет твоей вины.

...Мороз и ночь.
Февральская метель.
Ты за стеной.
За тридевять земель...

* * *

Уходят поезда в метель, в мороз –
Заснеженные спящие вагоны.
Стряхнули иней веточки берёз,
Огни мелькнули на перроне.
Как быстро годы могут пролететь! –
Быстрее, чем птицы, к югу возвращаясь.
Их не вернуть – о чём же тут жалеть?
Всё впереди. Я с прошлым распрощалась.
Так почему же стынет в сердце боль,
Забыла что-то очень дорогое.
Чужими распрощались мы с тобой,
Мне никогда уже не знать покоя...
Уходят поезда в метель, в мороз –
Заснеженные, спящие вагоны.
Стряхнули иней веточки берёз.
Огни мелькнули на перроне.

1963

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

Когда людской поток иссякнет к вечеру,
Закроются тяжёлые ворота,
Меж каменных строений бродит вечность,
Которой не пристала суета.
Она идёт, босая, утомлённая,
Глядится в окна, в самую их глубину.
Платок накинут, голова склонённая
И бледен очерк неподвижных губ.
Ей видно всё – былое и грядущее,
Ей слышен шелест отзвучавших слов.
Ей не судить людское малодушие,
Ей не жалеть погибшую любовь.
Всё – сразу набело. Ничего не перепишешь,
Не зачеркнёшь. Забыть... – Да как забыть?
...Дыхание Днепра я близко слышу
И чувствую, что так прекрасно жить.
Огни бегут, бегут на мост Патона,
И я в людской поток скорей иду.
Осталась Вечность с головой склонённой,
А я, наверно, с нею не в ладу.

ПЛЯСКА

Плясали, будто делали
Работу.
Плясали озлоблённо
И до поту.
Глядели в пол угрюмо,
На носки,
Чтоб не раскрыть
В глазах своих тоски.
Но гармонист устал,
И взвизгнула гармонь.
Тогда один подал
Раскрытую ладонь,
Другой пожал
Протянутую руку –
Нет, не врагу,
А сверстнику и другу.
Был новый месяц
На небе ночном,
И шли они,
К плечу прижав плечо.
...А с гармонистом
Женщина шутила.
Ей трын-трава,
Что не было, что было.
Ведь всё равно –
Что было, то прошло.
Лишь чёрные глаза
Сверкали зло.

* * *

Зачем эта злая свобода
Опять обуяла меня?
И, как за бортом парохода,
Ни пристани нет, ни огня.
На старом крыльце запустенье,
И в угол отброшен голик.*
И куст пропылённой сирени
Под окнами горько поник.
И рук не поднять для объятья,
И некому слово сказать.
И смято ненужное платье.
Зачем мне его надевать?
Но я поднимусь с неохотой
И спички нашарю впотьмах:
Ведь лечатся только работой
Потери, и горе, и страх.

* *веник*

* * *

Аукнись, далёкое лето,
Из памяти тихо всплыви.
В туман предрассветный одето
Далёкое утро любви.
Ни роз, ни торжественных лилий,
Ни белой прозрачной фаты.
К нам головы низко склонили
Цветущих ранеток кусты.
Да гулками были удары
Замедленных наших шагов
О крепкие тротуары
Из лиственничных стволов.

...Трезвею в дали и в разлуке.
Но живы во мне до конца
Горячие смуглые руки
И утренний очерк лица.

АЭРОПОРТ

Красавица в красных,
Витых босоножках.
В ушах качаются
Подвески-серёжки.
Лицо, как на древних
Египетских фресках,
Смугло и строго.
Дальняя легла
Перед нею дорога.
За стеклянной стеной
Аквариум аэропорта.
Свистят винты
В предошущенье полёта.
Везут багаж на тележках
И в вагончиках – пассажиров.
За стеной аэропорта
Распахнуты двери
Мира.
Красавица
Так не вписывается
В суету
Билетных касс,
Справочных бюро
И в пыльные акации сада.
...Шалью узорной
Окутана Шехерезада.
Не могу отвести я глаз,
Прикована к ней мечтой.
А она проверяет сумочку –
Всё ли взяла с собой.
И студент белобрысый
С нею говорит самоуверенно
И дерзко,
С нею – смуглой богиней
С египетской фрески.

ТУВИНСКИЙ ЧАЙ

Наш газик смел,
Наш газик скор,
Но сон морит людей.
И видим мы:
 горит костёр, –
На сердце веселей.
И смуглая –
 в цветном платке,
И бусинки стучат –
Мешает женщина в котле
Душистый чёрный чай.
И льёт туда густой каймак*,
И горстью сыплет соль.
А пламя разрывает мрак,
Свою играя роль.
Пиалы полные в руках.
Глоток – усталость прочь.
На склонах – овцы-облака.
Тува.
 Саяны.
 Ночь.

* сливки из топленого молока

* * *

Колец так много новых
На сосне
Прибавилось со дня разлуки.
Давно забыто всё.
Но плачу я во сне,
Когда из рук моих
Твои уходят руки.

31 июля 1967

* * *

Я мудрая, я знаю наперёд,
Что ты предашь,
 что лжив язык любовный.
Стою и жду. Смотрю, как снег идёт... –
Сто раз предай.
Но пожалей
 и вспомни.

31 июля 1967

* * *

Если бы у меня хватило мужества,
Я пошла бы бродить под косым дождём,
Долго-долго бродить по косым улицам
Мимо серых домов,
Покосившихся от старости.
Если бы у меня хватило смелости,
Я бы не сжималась под взглядами старух,
Не подобранных с годами,
Глазастых и толстозадых,
Привыкших к сплетням и пересудам
И начисто забывших свою молодость.
А лучше бы мне в лес уйти
(Если бы у меня хватило мужества),
Найти там заброшенное жильё
И поселиться в нём –
Одичать совсем,
Забыть человеческую речь
И не мечтать ни о чём.
Если бы у меня хватило мужества,
Я бы сказала тебе,
Что любовь –
это давать счастье другим,
А ты не умеешь этого.
Ты превратил моё сердце в пустыню,
Где мечты о счастье –
Миражи.
Да я и не мечтаю
Ни о чём.
У меня даже для этого
Нет мужества.

9 сент. 1967

ПРОЩАНИЕ

Умирала старушка
Марья Андреевна
Далеко до рассвета.
Почивала деревня.
Спали чутко доярки
И трактористы.
Восходила Венера на небе
Морозном и чистом.
Умирала старушка
Марья Андреевна.
На отшибе стояла изба её древняя,
Возле самого леса –
Таёжным зимовьем.
И сходились сыны попрощаться
К её изголовью:
Старший сын её Ваня
Да младший сыночек Митюша.
Было сладко их видеть,
Было радостно слушать.
И когда засветились снега
На окрестных берёзах,
Заглянула в избушку соседка
Да – в слёзы...
– Умирала с улыбкой, –
Дивились старухи,
её прибирая, –
Только с праведниками
такое бывает.
А не знали они,
что спасли её душу
Те, кто сгинул на страшной войне –
Сын Иван
Да младший сыночек Митюша.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

В большом окне пейзаж незауряден:
Тюремный двор, казалось, в двух шагах.
Он издали и чётко, и наряжен,
Но слишком много стражи
 и собак.
...А у ограды, как везде на свете,
В песке играют маленькие
 дети.

ДРАМА НА ВОКЗАЛЕ

Ребёнок играет с собакой –
Такое обычное дело.
Ребёнок играет с собакой
Робко и неумело. –
Провинциальная драма,
Где все без вины виноваты.
...Собака тепла и лохмата,
Она не сбежит, как мама.

Июнь 1997

* * *

Не обращу к тебе своё лицо,
Измученное болью и годами.
Былых свиданий разорвём кольцо.
Что было, то осталось между нами,
Так тихо опускаются снега,
Так медленно, что кажется – навеки,
На ивы, на прибрежные луга –
Всей нашей жизни памятные вехи.

1983

* * *

А было так много восторгов,
Казалось, что хватит на век.
Могли умилить и растрогать
Закат,
 полнолуние,
 снег...
И было завещано столько!
Но я усмехаюсь опять
С такой прозорливостью горькой,
Которой бы лучше не знать.

ОДИНОЧЕСТВО

Твой привычный быт и твой дом
Не меняют прошедшие годы.
Гаснут астры за строгим окном,
Повинуюсь законам природы.
...Только зеркало и лицо:
Тронуть пальцами
 губы и брови.
Всё слабее движение крови,
Всё свободней на пальце
 кольцо...

ПЕХОТНЫЙ ОФИЦЕР

Пехотный офицер, не выслуживший чина,
Свою свободу горько обмывал.
Как получилось так
 и в чём была причина,
Никто вокруг, да он и сам не знал.
Как получилось так, что в захолустье сонном
Служил он много лет, но был не на виду.
Судьба искала тех, кто более достоин.
А он таким не стал.
 Что ж – на свою беду.
И вот теперь сидит в дешёвом ресторане,
Где всюду красный цвет,
 чтоб роскошь заменить.
Ударник и флейтист свою волынку тянут,
А он свои сто грамм пытается допить.
Почти сухой закон!
 Но сизый дым клубится,
И охлаждают лбы водою ледяной.
А вечер за окном поник усталой птицей,
И от бетонных плит струится душный зной...
Швейцар-философ
 сдерживал зевету.
Он ясно видел всё.
 Он ясно видел всех.
Пехотный офицер! Пора платить по счёту.
И в городе чужом искать себе
 ночлег.

БОМЖИ

Чёт и нечет.
Судьба – не судьба.
В безнадежье
Не просят, не плачут.
Отгуляла своё голытьба
И бутылки за пазухой прячет.
Благо – лето.
Просёлок пылит,
И Венера призывно мигает:
То ли ангел по небу летит,
То ли лайнер свой след оставляет.
Под кустами так здорово спать!
И тальник горько-сладостно дышит.
И никто их не видит, не слышит...
Может – счастье привалит: не встать.

Январь 1996

* * *

Не надо, не надо, не надо,
Ни о чём не надо вспоминать.
Было или не было: прохлада,
Липы пахнут за оградой сада,
И рука твоя – не как отрада.
На сердце оттиснута печать.
Красный морс, как кровь,
Блестит на солнце.
Ты привык всё в шутку,
Не всерьёз,
Потому смеётся, потому смеётся,
На губах твоих смеётся
Красный морс.
Мир такой огромный,
Ты теперь в Галактике иной.
Я не стану светом,
Знаю ведь об этом,
Далеко от улицы Степной.

* * *

Давай поедem летом в дальний лес,
Подышим травами, послушаем кукушку.
Ещё не выцвел алый цвет небес
Над той лесной, далёкою опушкой.
И голос твой ещё не отзвучал.
И на песке, у озера лесного
Лодчонку кто-то ставит на причал,
Чтоб нам с тобою в путь собраться снова.
Пусть накукует нам кукушка много лет.

...Но ты молчишь.

Тебя на свете нет.

* * *

Песня, не сорвись на полуслове!
Ты одна навеки у меня.
Звёзды загорелись в изголовье,
Словно брызги синего огня.

Ночь теперь – но я окно открою.
Снег теперь – но я ли не горю?
Хочешь, стану яркою зарёю
И снега повсюду растоплю.

1963

* * *

На склоне том,
где подрастают ели,
Где гул аэродрома слышен днём,
Простой гранитный камень
виден еле-еле
И надпись полустёртая на нём.
Сюда придут
и постоят в молчанье,
Ромашки полевые принесут.
...Неумолимые секунды мчались –
И не раскрылся парашют...
...Между землёй и небом

есть граница,

Чуть видная граница в вышине.
И девушка лежит разбитой птицей,
Раскинув руки в молодой траве.
Не оторвать от склона –
нету силы,
Не докричишься – ей не услышать.
Друзья гранитный камень положили
И дали клятву: за неё – летать.

Февраль 1980

VIII

РОДНОЕ ВСЁ... И С ЭТИМ Я ЖИВУ

* * *

Паровозик дымит
 среди тихих полей.
Он игрушечным кажется
 с этого дальнего края.
И бегу я за ним,
 и беззвучно рыдаю,
Как за жизнью немилой,
 но всё же – моей.

1999 г. Чернигов

* * *

Василиса, Васса, Васёна! –
Осмелею и дочь назову.
Пусть растёт – за работу хвалёной,
Некрасивой, в прабабку свою.
...Головёнкой приникла сонной,
Как птенец под защиту крыла.
Василиса, Васса, Васёна!
Нерождённая дочь моя.

* * *

Марине

Обнимая в последний раз,
Размыкаю с трудом объятья.
Этот взгляд повзрослевших глаз,
Это строгое школьное платье.
Выпускаю, как птицу из рук,
Что ко мне никогда не вернётся.
За неясной чертой разлук
Будет море и будет солнце.
Море – вздох:
Гурзуф,
 Аюдаг,
Запах соли на сжатых губах...
Долго, долго смотрю вослед.
Только небо,
А птицы нет.

* * *

*У чёрного лебедя ночи
Белое отражение.
О. Афремова*

Ты, моя похудевшая,
 тонкая,
Светлый взгляд,
 невесёлый смех.
Беззаботная, как ребёнок,
Беззастенчивая, как грех.
Нимбом ясным овсяные волосы,
Прутик вербный в твоей руке,
И поёшь ты нездешним голосом,
Тает голос твой вдалеке.
А такие сквозные рощицы,
Холодок от весенних вод.
Дикий голубь в воде полощется,
Птаха где-то взалёб поёт.
Всё известное,
 всё повторное.
Стоит ли ещё повторять?
...Белый лебедь глядит
 на чёрного
И не может его узнать.

7.

Но я простилась
С этим навсегда. –
Пусть в Иордане
Плещется вода,
На площадях
Танцуют и поют,
И мясо жарят,
И напитки пьют. –
И я склонюсь
Пред именем твоим,
И дрогнет сердце:
Мир...
 Ерусалим...

5.

Три дерева,
Что по пути домой,
Всё говорят
По вечерам со мной.
Менялось небо.
Ветрено. Дожди.
Усталость гнула,
Безнадёжность жгла,
Но я почти счастливою
Была,
Когда они являлись
Впереди,
И был привал,
Как жизнь,
Необходим...
И дрогнет сердце:
Мир... Ерусалим...

6.

По руслам рек
Недолгих, дождевых –
Разлив цветов,
Как солнце, золотых,
И диких маков
Алые шелка,
И птицы, что летят
Издалека
В тот дальний край,
Что в сердце мы
Храним...
И дрогнет сердце:
Мир...
Ерусалим...

ПРОЩАНИЕ

О. Афремовой

В сиреневом половодье
Кривые проулки твои.
Простимся.
Но лишь не сегодня,
Ещё нам поют соловьи.
Так быстро уходят потоки
В песчаные берега.
И с Троицкой видно далёко
Десну, за Десною – луга.
И церковь стоит у подножья,
У времени на краю.
Простимся,
Но если можно,
Я чуточку здесь постою.
А поезд зелёный и долгий,
А мост так непрочен на вид...
Простимся,
Не знаю – надолго ль –
И что нам ещё предстоит?

* * *

Ты – моя тихая пристань.
Шторм порвал паруса.
Ветер суров и неистов,
Сыплет мне солью в глаза.
Ты – моя тихая пристань...
Скрылся за молом шторм.
Смотришь в глаза мои пристально,
Оберегая от волн.
Ты – моя тихая пристань...
Помнишь нелёгкий год?
Землянку, что насквозь выстыла,
Иней в углы ползёт,
Застывшее красное солнце,
Снаружи – минус полста.
Вода промерзает в колодце,
Прозрачна, насквозь чиста.
Ты руки мои согреешь,
Чаю нальёшь, как всегда;
Бывает – сурово жалеешь,
Но не предашь никогда.
Спорим, аж сыплются искры,
Каждый стоит на своём...
Ты – моя тихая пристань:
Радость, отечество, дом...

3.

Коричневые камни Иудеи,
Остатки древних стен,
Ступени вниз.
В распадки заползли
От зноя змеи,
И дарит тень
Зелёный тамариск.
Но тайный путь,
Увы, не разглядим.
И дрогнет сердце:
Мир...
Ерусалим...

4.

Откинула каскад
Густых волос –
Душистых, чёрных,
Жарких,
Словно страсть,
И тайная от них
Струилась власть.
Но жизни ход,
Увы, неумолим.
И дрогнет сердце:
Мир...
Ерусалим...

ИЕРУСАЛИМ

1.

Там – за холмами,
За грядой песка
И трав колючих –
Серых, но живых,
Где ждёт дождя
Засохшая река,
Где на холмах
Хамсин свирепый
Стих,
Где всадник
От коня
Неотделим,
И дрогнет сердце:
Мир...
Ерусалим...

2.

Бельё цветное
Бьётся на ветрах,
И запах дыма
Еле уловим,
Где вечность
Начиналась
В двух шагах...
И дрогнет сердце:
Мир...
Ерусалим...

* * *

Ж.

Не понимай и не жалея меня.
Не дай тебе судьба постичь мою тревогу,
Что бьёт в лицо и всё зовёт в дорогу –
Догнать!
Вернуть!
Прижать к груди!
Но силы тают...
Погоди...

* * *

Не предрекай трагической судьбы –
Таких пророков в прошлом убивали.
Пусть горести, невзгоды и печали
Мелькнут, как придорожные столбы.

* * *

Прости меня за нетерпенье
 сердца.
За голые слова
 без смысла, без тепла.
Играет май
 обугленное скерцо,
Чтоб и весна
 тяжёлою была.
А в памяти
 на самом дне таится:
Тринадцать лет –
 и небо в облаках;
И я готова плакать
 и молиться,
Не веря никому,
Что всё на свете – прах.

Май 2003

* * *

*Я беру в руки ковш месяца
И пью из него тишину.*

Иерусалим, 23 января 1992.

Я возникаю из небытия,
Со мною вместе
 улиц взлёт высокий.
И мир, что так легко окинуть оком,
И воздуха прохладная струя.
А люди просто
 ходят и живут,
И чинят мостовые и заборы,
И в лавках что-то бойко продают,
И смотрят молчаливо из-за шторы.
Поют и плачут...
Но Провиденьем
 до сих пор храним,
Лежит на облаках Ерусалим.

... У древних стен спешу остановиться.
Безбожница, готовая молиться.

ЯФФО

Из лавок наружу, на свет, напоказ –
Немыслимых тканей старинная вязь,
Хрустальные бусы, ковры и картины,
И лампы волшебные ждут Аладдинов,
Шитьё золотое ласкает рука,
Свисает чеснок в уголке с потолка,
И в нарды играют, и всё не спеша
Пьют кофе горчайший, и рада душа
Причудливой улицей – к морю, к заливу,
Где яхты колышутся неторопливо,
И сотни мангалов, и запах кефали...

...Подобную роскошь мы знали едва ли.

ЯФФО. ВЕЧЕР

От стены до стены
Расстояние – тени короче.
Светом бездны видны
Звёзды чистые в темени ночи.
Тёплый камень шагами
Измерен и отшлифован.
Кто в той башне живёт,
Будто в стену навеки вмурован.

1993

* * *

Не нами начертаны
вещие книги судьбы.
Что толку людей упрекать
в бессердечии,
лжи и беспечности?
Ты всё пробираешься
вязкою глиной тропы
Вдоль серых заборов,
стремящихся к бесконечности.
Ещё кое-где
покрывают сугробы траву.
Но мы друг от друга
навеки такие свободные.
И я за тобой не бегу.
Не кричу.
Не зову.
Я молча стою у окна,
что дождями исхлёстано
холодными.

* * *

А что такое трагедия?
Жизнь так проста, без затей.
И спросишь себя: а где же я
Своих растеряла детей?
Какими путями росными
Я шла, по колени в траве,
Какими далёкими звёздами
Любовалась во тьме?
И впору бы очи выплакать –
Так трудно платить за смех...
Какие мне муки выпали? –
Не более, чем у всех.

ФЕВРАЛЬ. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Февральский ветер завивает в локоны волны
И красит их в белый цвет.
Лижет жёлтые цветы,
Которые – непонятно как –
Растут на солёных камнях
И кажутся беспомощными птенцами.
...На влажном песке – шезлонг.
Старый человек под зонтом
Сидит и смотрит на запад, за море,
Где приоткрывается занавес
И выглядывает солнце,
Которого не было весь день.

ФОНТАН
У БАНКА
«ДИСКОНТ»

(ХОЛОН)

Слоновьи ноги пальм
Шершавы и теплы.
Шабатный день –
Безлюдно, полусонно.
И возникают улицы
Холона
Из желтоватой
Прокалённой мглы.
Но у фонтана
Мир совсем иной:
Смеются дети
И щебечут птицы,
И влага изумрудная
Искрится
И усмиряет
Нестерпимый зной.

III
ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ

* * *

Есть дубовая роща
У самой железной дороги.
По тяжёлым пескам мы туда
не спеша добрели.
Там цикорий так ярко синел из земли,
Беспокойные куры
Бросались испуганно в ноги,
Чуть заметно
Сквозила в листве желтизна.
Пели тёплые рельсы
О близкой разлуке.
За каким поворотом
Иная таится страна,
Что поманит
Своей тишиной
И речною излучкой?
В нас бродило вино
И безделье,
И август нас вёл,
Словно Вакх опьянённый
И сытый,
Презревший и время,
И власть, и пространство,
И качались качели
Смущая сердца постоянством,
И резвились девчонки,
Не ведая, что им дано.

Узкой улочкой Врангеля
(Есть шутники на планете),
Мимо тихих домов,
Где извечно старухи сидят,
Где премудрость игры
Постигают серьёзные дети,
Возвращались под вечер
Устало и тихо назад.

В тёмных листьях таились
Подсохшие сладкие вишни,
Всё прекрасно на свете –
Дыши и живи.
Восходила звезда
Высоко над железною крышей,
Первозданно сверкая,
Взывая к стихам и любви.

ХЕВЕЛЬ – ШАЛОМ. НЕГЕВ

Марь, песок – и не видно земли..
Тишина – и ни слуху, ни духу.
Вислоухие псы залегли.
А меня всё, по кругу, по кругу,
Как слепого коня, повели.

1992

13.

Как псы сторожевые у ворот,
Свернулись дюны.
Убежать нельзя.
Их жёлтые песчаные глаза
Следят за нами.
И Великий Бог
Забыл фитиль в лампаде
Прикрутить.
И солнце бьёт
Безжалостно в висок.
И жребий брошен.
И назначен срок.

14.

Это дерево – центр мироздания
Нашей зоны, где сор у забора,
Где у нас притупилось сознание
Нищеты, немоты и позора.
Отдираем тугую фанеру,
Всем ветрам открывая жильё
...Потеряли и землю, и веру –
Чтоб в иное поверить жульё.

БАЛЛАДА О СТАРОМ ДОМЕ

О нашем старом доме стоит рассказать.
Когда-то давно мы поселились в нём –
Отец, Мать и я –
В большой прохладной комнате без кухни.
Просто – в углу стояла «грубка» с духовкой,
И я помню, как в третьем классе
Пекла пироги (мама тогда уезжала).
Пироги вышли красивые, румяные,
Но есть их было невозможно –
Я забыла положить соль и сахар.
Время шло. Одну дверь загородили,
И через нашу комнату
Перестали ходить Ахмет и Проня –
Комната стала отдельной.
Потом и мой угол отгородили фанерой,
И мы жили там с кошкой
В обоюдной любви и согласии.
Пёстрая кошка в ответ на мою заботу
Таскала в форточку убитых ею крыс.
Эту кошку ценили все соседи
За её охотничьи качества.
Но что переживала я,
Обнаруживая у своей постели
Добродетельные дары?..
Напротив жил музыкант Латышев.
Он играл в маленьком оркестре
Перед началом кинофильмов,
Высоко ценил свою флейту;
И дома, если не стряпал, не пил
И не ругался с женой Фроней,
То играл на флейте.
Комната у них была

Без всякой мебели:
Во время выяснения отношений
Было разбито всё, что можно разбить.
Рос там Славка – сын Фрони
От легендарного первого брака.
Вырос певцом. Вот что значит
Воспитываться в музыкальной семье.
В узком длинном коридоре
Было ответвление влево –
Не то комната, не то кладовая,
Где жила хромая Галка
Со своими детьми, у которых
Не было отца, но всегда был
Пшённый суп, зажаренный салом
Или каким-либо другим жиром,
Была неправдоподобно
Чистая каморка, у порога которой
Иногда ночевали
Слепые нищие – Галкины родичи,
Которые здорово на ощупь
Считали деньги, и таки
Купили дом.
Вправо дверь вела в комнату
Майорши Аллы Васильевны,
Двух её детей – Бориса и Лёли,
Мужа, бабки и деда.
На чердаке, тоже оборудованном
Под жильё, обитала Мотя,
Она работала в пекарне,
Была всегда бледной и усталой,
Растила дочку, точь-в-точь
Похожую на неё,
В длинном старушечьем платье.
Было ещё крылечко
Со двора.

10.
Стеной отвесной падает жара
Безжалостно. Не убежать. Не скрыться.
И солнце бьёт в закрытые ресницы,
Бьёт, отражаясь от песка и стен,
Бьёт, отражаясь от земли и неба.
И всё живое так ...просит хлеба,
Как ищет воду, влагу, ветер, тень...
Но где их взять?
Как пережить, скажи? –
В прозрачный день уйти,
Среди песков скитаться.
Сойти с ума. И видеть миражи,
И влажных трав ладонями касаться.

11.
Змеиный след на утренней дороге,
Узорный след – причудливый, как мысль.
И ящерицы к норам унеслись,
Помедлив – оглянулись на пороге.

12.
Ни замков, ни запоров,
Распахнуты окна и двери.
Спит усталый солдат,
И в сторонку отброшено «узи».
Серый волк хромоногий
С собаками в добром союзе
Охраняет посёлок:
Бегите, арабы и звери!

7.

Седуют травы прямо на глазах,
Отчаянно кричит ночная птица.
Ни тучи грозовой и ни зарницы,
Лишь след дождя – прочерченный в песках.

8.

В этом краю, где колючка верблюжья
Да лиловатый цветок на сухом и горячем песке,
Слышу запах грозы, брожу по дымящимся лужам,
Забываю о том, что они от меня вдалеке.
В этом краю, где лохматые псы
Забиваются под караваны*,
Где мгновенно скрываются в норах жуки,
Чувствую запах травы на берегу желанном,
Слышу всё ближе и ближе
речных пароходов гудки...

* *жилые вагончики*

9.

Памяти горькое бремя – и пустота.
Люди чужие друг другу
На маленьком островке.
Что есть мираж – эта жизнь или та?
Капля на солнце.
Снежинка на жаркой руке.

Там обитала Рабиновичиха
С сыном Лёней.
А в маленьком домике во дворе
Жили Кузьмичёвы,
Которые один за другим
Умерли от чахотки;
Остался только старик Кузьмичёв
И младшая его дочь Шура.
Были у нас и огороды –
Узкие полоски земли,
Где росли какие-то овощи.
Был и сад – корявая
Яблоня, на которой повесилась
Майоршина мать.
Вся жизнь на виду –
Готовка, стирка, покупки,
Кто с кем подрался...
Отсюда, от этого каменного
Крыльца в три ступени
Ходила я в школу на Вал.
Далеко. Автобусов не было,
Троллейбусов и подавно.
Но они были ни к чему.
Из этого дома я уехала
Учиться в Ленинград.
Родители получили квартиру
С ванной, с сортиром,
Но с общей кухней.
Пёстрая кошка долго ждала меня
На крылечке...
Дома нет. На его месте
Построено большое здание
С комиссионным магазином
Внизу.
Умерли Отец, Мать,

Старая Рабиновичиха,
Кузьмичёв,
Майор,
 Проня,
Ахмет давно уехал.
Галки я не встречала.
А Мотю встретила
Недавно:
Она всё такая же,
Ведёт за руку внука.
А нарядную женщину
С пепельными волосами
Я не узнала –
Так изменилась дочь Моти.

4.

Иначе, как затмением, не назвать
Весь этот путь нелёгкий и неблизкий,
И Бухарест – где мрамор, обелиски,
И голь, и нищета. И нечего терять.
Но даже птица гаснет от тоски,
И мне не оградить её рукою.
И всё, что происходит – не со мною,
Не я по этим улицам бреду
В тоске, в слезах – во сне или в бреду.

5.

Я открываю книгу Бытия,
Пропахшую веками, пылью, тлением.
Я здесь была – и не было меня.
Всё те же камни, купола, ступени,
Строения террасами окрест,
Долины переполнены камнями.
Над городом – огромный чёрный крест.
У каждого – поменьше – за плечами.

6.

Пока ещё не пробудились змеи
И зной не усмиряет каждый шаг,
Пустыня безмятежно лиловееет
И дышит, дышит прямо на глазах –
Спешат своё прожить цветы и птицы
И затаиться, время исчерпав.
...Пыльца осела на мои ресницы.
Белеют камни – будто черепа.

МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ

Моя учительница первая
В далёкий, трудный год военный,
Я помню Вашу речь напевную,
Глаза горячие и узкие,
И имя чудное – не русское.
Мне не далось чистописание,
Не стала лучшей я и первой.
Спасибо Вам за мятный пряник,
Что был в те годы даром щедрым.
Спасибо Вам за Вашу комнату,
Где я зимой отогревалась.
И коль во мне есть что-то доброе –
То это мне от Вас досталось.

VII

Я ЗДЕСЬ БЫЛА – И НЕ БЫЛО МЕНЯ

ПУСТЫНЯ НЕГЕВ

1.

Хамсин * задул.
Колючий куст зачах.
Упала тень,
Очерченная строго.
Сижу – седая –
На седых камнях,
Как птица,
позабывшая дорогу.
Зовут, зовут
Друзья меня вдали,
Но смещены края и расстоянья.
В моей ладони
Ком сухой земли,
В нём всё моё
Мирское достоянье.

* *горячий ветер с пустыни*

РУБИКОН

*Вся жизнь, как шарж.
Зачем я беспокоюсь?
Мечусь: скорее! А скорей – нельзя.
Под «Марш славянки»
 трогается поезд,
Евреев из России увозя.
 Риталий Заславский*

Как в наше время переходят Рубикон?
Нет, не прощанья ждут и не прощенья.
Под проливным дождём, при тусклом освещеньи
Пройдут солдаты, и качнёт вагон.
То ли ушла, то ли прогнали вон.
И плачь – не плачь – а время не вернёшь.
Расплющишь нос о тусклое оконце,
Но позади темно и нету солнца,
А впереди – всё та же грязь и ложь.
Ты убиваться горько перестань,
Умерь тоску, расслабь свою гортань.
Проторена в изгнание дорога,
И будет день, и будет хлеб от Бога,
И прошлое привидится, как сон. –
Так в наше время переходят Рубикон.

1990

* * *

Скажите, а что там, за кадром,
Когда уже сыграна роль?
Тяжёлые сняты наряды.
Зевает устало король.
Плакат со стены вызывает:
«Уходишь – свет погаси!»
И снегом в лицо швыряет,
И нет, как назло, такси.
Обман ли? Очарованье?
А впрочем – не всё ли равно?
Сидим, затаив дыханье,
Навеки в плену кино.
Заломлены в горести руки,
От слёз всё в тумане вокруг.
Ну, что мне до вашей разлуки,
До ваших киношных мук?
Страданий, усиленных звуком?
Побоев, побоищ, измен? –
Жизнь жёстче любых кинотрюков,
Но без каскадёрских подмен.
Но всё же тревожусь и ныне,
Взволнована чьей-то судьбой.
Красивую героиню
Красиво целует герой.
И всё возвращается снова –
И свет ленинградской зари,
И юность, и «Мост Ватерлоо»,
И в Мойке дрожат фонари.

1953 ГОД.
НАВОДНЕНИЕ

Дома стоят, торжественно-красивы,
Из задымлённых, призрачных камней.
Доносит ветер с Финского залива,
Солёное дыхание морей.
И факелы уместны.
И движенье,
Как в карнавальном шествии,
Легко.
И бродят в нас и юность,
И волнение,
Над жизнью поднимая высоко.
Как рыцари прекрасной королевы,
Двадцатилетние, несмелые и славные,
Идут матросики с британской каравеллы,
Ногами землю щупают, как палубу.
Они уйдут. Они ещё изменятся,
Сотрут улыбки с лиц своих мальчишских.
У нас ведь тоже огрубеет сердце,
И многое покажется нам лишним.
Но что-то в нас останется такое... —
Мы верили. Мы были молодыми.
Мы любовались хмурою Невою,
Что выплеснула гнев на мостовые.

* * *

На плаху, так на плаху.
Привычна ко всему.
— Дай чистую рубаху,
Возьми мою суму.
Не много я скопила
За долгие года,
Да жизнь и не сулила
Богатства никогда.
Всё было без обмана —
Потери и беда.
— Постой, повыше стану,
Простимся навсегда.

* * *

Махну на себя рукою –
Уеду. О чём жалеть?
За тонкой вагонной стеною
Опять будет ветер гудеть
Пронзительно, жалко и тонко.
Под ветром гудят провода,
И крутятся вихри позёмки.
Уехать... Но только куда?
Из круга – что замкнут железно,
Иль ада – что в сердце горит.
И рваться, и звать бесполезно
Холодную ярость зари.
Сомнений тяжёлых минуты...
Где – верный, где – гибельный шаг?
И жизнь обрывается круто,
Как поезд в сыпучий овраг.

* * *

Что есть поэзия? –
Ненайденное слово
Про то, что невозможно объяснить.
Дай мне ладонь свою,
Листок кленовый,
И будем лужи вброд переходить.
...Внутри уют.
В подъездах жмутся пары.
И каждый октябрём по горло сыт.
Столичный бард играет на гитаре,
Он утомлён, простужен и небрит.
Он в модной куртке.
Он владеет словом.
Что мы, провинциалы, перед ним?
И внемлем мы ему, не прекословя,
И всё запомнить навсегда хотим.
В поэзии есть Смертина, Реброва,
Ещё, пожалуй, несколько имён...
А от меня всё ускользает слово.
И небо так прекрасно и сурово,
Как складки у приспущенных знамён.

1975

* * *

Где те игрушечные домики,
Что с Вала виделись внизу?
И дед такой – как в сказке гномики,
Всё звал заблудшую козу.
А нам здесь почему-то не жилось,
Нас ждал большой и шумный свет.
...На мелководье солнце нежилось –
И лучше не было и нет.

* * *

С ладошку луг остался у Десны
И тает, как шагреневая кожа.
В миниатюре всё это похоже
На детские заманчивые сны,
Когда такое бабочек мельканье,
Гуденье пчёл и птичье щебетанье,
И кажется – что это навсегда...
Но как легко всё это погубить! –
...Не дай мне Бог до этого дожить.

СТИХИ ПРОЩАНИЯ

Люблю, как пьяница кабак,
(Тот кому верится – in vini),
И эту речку, и овраг,
И паутину на кустах,
Сверкнувшую в октябрьской сини.
И этот долгий, трудный путь
После дождя, по грязи грубой,
Люблю... От плача сводит губы.
В своих молитвах не забудь
Меня простить и помянуть.

...Ни слова.

Будто нас и нет.
И лишь петитом в примечании
Схватило за душу отчаянье. –
Так безысходен мой сюжет.

Октябрь 1990

МОСКВА. ОКТЯБРЬ 1990 Г.

Напряжённo-угрюма родная столица.
И завалы, и мусор лежат на пути.
Остаётся на свете только Богу молиться,
Но дорогу к Спасителю нам не найти.
В словопрeньях пустых искорёжили души,
Ложь разъела, дотронься – рассыплeмся в прах.
Наши дети не могут изолгавшихся слушать,
И уходят от нас, не замедлив свой шаг.
Что ж – вперёд!
Шереметьево всех нас вмещает.
На заплёванный пол упадём отдыхать.
И разбойничьим свистом
Нас в путь провожает
Полупьяная женщина – Родина-мать.

1990

ВОСПОМИНАНИЕ

Давным-давно те воды утекли,
В которых отражались наши лица.
Давно убрали сходни корабли,
А мы и не успели прокатиться.
И я листаю улицы скорей,
Как в детстве книгу о морских пиратах.
Вот здесь, у Елисеевых дверей
Отец назначил встречу мне когда-то.
Родной, седой касаюсь головы,
И за руку держусь, как в детстве, цепко...
А над Каналом скалят зубы львы,
И медленно звенят литые цепи.

* * *

Что может быть проще
Биографии человека? –
Родился, учился, работал...
Ни один чиновник не спросит:
А что запомнилось из детских лет?
А путешествие по Кавказу помнишь?
А любимую старую грушу в саду?
А запах грозы и ночной ливень?..

ДЕРЕВО МОЕГО ДЕТСТВА

1.

Помнишь, старая груша,
Я приносила тебе свои обиды?
Ты баюкала меня на корнях-коленях,
Совала мне в рот свои медовые плоды.
Помнишь, груша,
звяканье осколков
о крышу школы?
У корней твоих вырыли убежище
И рыжий кот мчался туда первым,
когда выла сирена.
Старая груша,
К тебе пришла я после разлуки.
Чужие люди жили в нашем доме,
Чужим был сад.
Но ты украдкой положила на моё плечо
свою корявую ветку.
Был март сорок третьего года.
Шла война.
...Недавно заглянула я в щели забора:
Ты жива.
Подняла свои ветви, приветствуя меня.
Нас разделяли забор,
собачья будка,
ухоженная,
Посыпанная песком дорожка,
Человек с посторонним лицом.

* * *

Моя зачумлённая родина
С костистым овалом лица
Оболгана, предана, продана
В предчувствии близком конца.
Стоишь ты в фуфаячке форменной,
Привычная к лютой нужде.
Сомненьям подвергнуть...
Но Боже мой!
Ты грудью стоишь за вождей,
На них твоя нежность направлена,
Пред ними склоняешься ниц.
И мечешься в гнев затравленно,
Как волк между красных тряпиц.

19 нояб. 1990

* * *

Крестили. Распинали на кресте.
Крест целовали. Вешали на шею.
Крест вырезали нехрестю-еврею
Ножом на обнажённом животе.
Крест был в часовнях между трёх дорог.
С крестом – на свадьбе, и с крестом –
на плахе.

И у фашистов на ременной бляхе
Сверкали крест и надпись: «С нами Бог». –
Бог всё терпел.
И – прикрываясь им,
Как говорят, не мудрствуя лукаво,
Считали, что на всё имеют право.
...Вы, жалкие ханжи
С поджатыми губами,
Но с хваткою пройдохи-подлеца,
Что вам Всеблагий, Всемогущий
Самый!
Давно вы продали и сына, и отца.

ХЕМЧИК

У реки далёкой имя девичье.
Вспомню – и в глаза мои блеснёт
Синеглазый и лукавый Хемчик,
Только брови-берега вразлёт.
Вспомню – и увижу горы близкие,
Только к ним дороги далеки.
Там в тайге рассыпанными искрами
Догорают поздние жарки.
По траве росистой утром ранним
Лоси осторожные пройдут.
Марьины коренья льют дурманы
И манят, и за собой зовут.
Над посёлком самолёт кружится,
Дым костра уходит в синеву...
Говорят о космосе тувинцы...
Кони смачно хрупают траву.

МОРЕ. ЛИВАДИЯ

Иду тропой – не царской, а отвесной.
Кустарник жёсткий хлещет по ногам.
А где-то море голубою песней
Всё льнёт и льнёт к скалистым берегам.
Иду тропой, где – видно – ходят редко,
Отчаявшись, что к морю не дойти,
Но вот оно – лишь стоит эту ветку
Рукою осторожно отвести.
Но вот оно – я падаю на камни,
И плачу, и смеюсь – здесь тишина.
Ушли с безлюдья два здоровых парня,
Следы смывает тёплая волна.
Писать о море?

Перед ним немею.

Я часть души ему, как дань, отдам...
А чайки признают меня своею
И деловито ходят по камням.

* * *

Трубят о демократии – аж синь в лице.
Но всё пустые, дутые слова.
И сходятся все нити в Таванце –
Он городу отец и голова.
...Подсчитано,

измерено,

проверено

Для верности не просто – ЭВМ.
И крест поставлен: всё давно потеряно –
С собою согласовано, ни с кем!
А если совесть – тью,
На месте лишь дыра.
А если средства вложены вчера,
То прав ты или нет,
Семь бед – один ответ:
Вози песок, кричи «ура!»
И рапортуй, и рапортуй до одури,
Что вот – построен сказочный объект.
Мы – деятели, мол, а все вы – лодыри.
Да будет стройка!
(А потом – проект).

Завалами,

пожарами,

помойками

Загажена родимая земля,
Распята вот такими «новостройками»:
«Оправдано», «Нет места для жилья». –

Временщики,

растратчики,

жульё,

Кому ничто не свято.
Нет, их не манит слава Герострата! –
Им бы сегодня отхватить своё.

* * *

А мы после бурь, после взлётов
Высоких и мудрых речей
Во власти всё тех же пилотов –
Наследников тех палачей.
Всё те же сбываются были,
В крови и пожарах простор.
Они и личин не сменили,
И кормчий их
руку простёр.

Август 1992

* * *

Ясность мысли –
ненужная блажь
В этом пасмурном, двойственном мире,
Где чиновник бряцает на лире
И собой заслоняет пейзаж.

Январь 1996

ЕВПАТОРИЯ

Море берёт в ладони
Меня и дочь.
Волны к ногам гонит,
Убегает прочь.
Какой простор! И ветер
Пахнет пенькой.
Уйдёшь далеко – не заметишь:
Нагонит прибой.
Нагнёшься... Неужели
У самых ног
Видный еле-еле
Куриный бог?
Сберегу на счастье,
Погладишь рукой –
Снова прибой ластится,
Пахнет пенькой.

1973

КАВКАЗ

1.

Что нас возить?
За что такая честь?
Мы будем петь,
Не глядя в окна даже,
И спрашивать:
В предгорьях рынок есть?
И что почём –
Платки, носки и пряжа?
Мы так привыкли
К этому «почём»,
Как будто в нём лишь
Слава и почёт.
Но, нами обесценен,
Наг и чист –
Зажётся лист.

2.

Зажётся лист.
Ещё один горит.
В орешнике светло, прохладно, тихо.
И в яростном сиянье облепиха
Своей медовой сладостью манит.
И тонкой барбарисовой серьгой
Свисает осень прямо надо мной.

* * *

Ненавижу ложь
в любом её проявлении,
Ненавижу чванство
при первом его появлении,
Когда серость стремится
остаться руководящей –
Ненавижу всё это в прошлом
и настоящем.
Ненавижу бессилье своё до отчаянья
В наше время, когда так преступно молчанье:
Ремонтируют нары в посёлках ГУЛАГа,
Кто-то целит в затылок –
мы на склоне оврага,
И прилизанный мальчик из 3-го отделения
Так и рвётся исполнить
начальственное решение.

1991

* * *

Рассветные эти причалы,
Где солнце колышет вода –
Не это ли было вначале,
Не это ли с нами всегда.
Не эти ли травы по плечи,
Где птицы на гнёздах сидят,
Где, будто зажжённые свечи,
Цветы полевые горят.
У каждого – имя и званье,
Любому – поклон и почёт.
Привычная вязь мирозданья
Отсюда брала свой отсчёт.
Но как незаметно сужались
И луг, и цветы, и вода...
Не в Красную ль Книгу вписались
Те птицы – улов из гнезда?
...Идут циркуляры, приказы:
«Есть мнение... Для блага людей...»
– И едут могучие КраЗы
По пойме старинной твоей.
Пока мы полны благодати
И верим в могущество слов,
Река захлебнётся в объятых
Сыпучих, зыбучих песков.

3.

Вот – дом не дом, а так – приют простой.
Отсюда люди в города бежали.
И пёс приبلудный бродит здесь в печали,
Готов идти за вами и за мной.

4.

Всё. Отлетали горные орлы.
Один найдётся ли на всю округу.
Какому рассказать об этом другу?
А может быть, ручью,
Что рвётся со скалы?

5.

Длинна дорога. Торопи коня.
В далёком доме ждут,
Скрывая нетерпенье.
И ты, усталый, сядешь у огня
И будешь счастлив целое мгновенье.

6.

Здесь, говорят, живут годов до ста,
Размеренны и голос, и движенья.
Но каждый день – открытье, удивленье,
Привычной не бывает красота.
Чтоб видеть эти горы, снег и свет,
Не слишком много даже сотня лет.

7.

Не омрачайте музыкой пустой
Симфонию камней и ледяных потоков.
Задумайтесь спокойно и глубоко
Над жизнью, смертью и самим собой.
Умерьте жадность рук и жадность глаз.
И уносите главное с собою –
Ту красоту, что подарил Кавказ,
И мудрость, и величие земное.

* * *

Жестокая правда
Пока говорит о другом:
Врагам на попятные
Достался открытый наш дом.
Они зачерствели
В лукавых и лживых
Речах.
И всё, что нам свято,
Для них только мусор и прах.
– Что им эти дали,
Открытые с Болдиных гор,
Речные излуки,
Зелёный, широкий простор! –
Железной рукою
Сожмут они горло Десны,
Закроют дорогу
Приходу надежд и весны.
Но даже под дулом холодным
Молчать не могу.
Чины да оклады
Ценимы в их волчьем кругу.
Они – над народом,
Им благо людей – ни к чему.
Доколе терпеть мы их будем
В своём разорённом дому?

ВОЖДЬ
НА ПРИВОКЗАЛЬНОЙ
ПЛОЩАДИ

Кепчонку Ленин комкает в руке,
Глядит поверх домов, мостов, составов.
Что видит он в туманном далеке?
Чему поверить снова нас заставит?
Мы копошимся. Тянем тяжкий воз,
Хоть понимаем: нам он не под силу,
Но тусклый свет пятиконечных звёзд
По-прежнему для очень многих – мил он.
На нары, в угол, под дырявый кров,
Привычны к окрикам и понуканьям. –
Убогий пафос в нашу плоть и кровь
Проник и притупил сознание.
Закат горит.

Ильич в златом венце
Вещает об измене и конце.

Июль 1997

КАВКАЗ

Как надоели мы седым вершинам,
Колючим облепиховым лесам
Своим тщеславьем, дымом и бензином
И склонностью к восторгам и слезам.
И тем, что так поём немзыкально,
Не ценим этот день и этот час,
Не провожаем грустно и прощально
Весь этот мир, что будет здесь без нас.
Бежим, спешим по шаткому мосточку,
И силы нет мгновенье оценить.
Прости меня, нарзановый источник,
Прости – и не давай себя забыть.
В нас тоже глохнет красота и сила,
Мы тоже в заколдованном кругу...
Твоею влагой душу окропила,
А больше ничего я не могу.

1976

* * *

Нас наказывают за непослушанье
И порой доводят до отчаянья.
Развелось мытарей, что нерезанных псов,
Прут из всех щелей,
Мзду взымать готовы.
Мы боимся пикнуть –
А вдруг выкинут?
Откуда выкинут и куда?
За пределы Земли?
А может быть – дальше?..
Нам, воспитанным на пафосе и фальши,
Смелыми
Не стать никогда.

* * *

Позёр и невежда,
Приученный повелевать,
Прикрученный к пуповине
Телефонного провода,
Говорит о демагогии
По всякому поводу
И любит
Глазами
Начальственно
Искры метать.

* * *

Слова их лживы.
Лживы их посулы.
Всё под себя гребут наверняка. –
И ярость мне
до боли сводит скулы,
И тянется к бульжнику
рука.

1963

* * *

Убивают...
и ставят памятники
Забывают... –
клянутся в памяти
И цветы приносят к подножию
И порочат убитых ложью...

Но зарытым в землю
не двинуться,
Не подняться, не плюнуть
в рожу
Тем блудливым,
продажным,
пакостным,
Что глумятся над светлою памятью
Убивают...
и ставят памятники!

1963

* * *

Мы так щедры,
беспечны,
беспечальны.
Что нам талант? –
Навалом!
Пруд пруди.
Не ищем мы причины изначальной:
Случайно ли
в пути таком недалнем
чужое сердце умерло
в чужой груди.
Спокойны мы.
Привычны дом и служба.
Получка наша
в свой черёд грядёт.
Самокритичны в меру
и услужливы.
Такой мы,
в общем, неплохой народ.
Оно и проще –
жить, вперёд не рваться.
На ложь смолчать.
Смотреть со стороны.
В своём кругу
порой на крик сорваться,
Мол, всё, конец –
ни друга, ни жены.
Мещанство заклеить – мол, от него все беды –
Произнеся блистательную речь.
А после выслушать
разумные советы.
Нарзану выпить.
На диван прилечь...
О, время героическое!
Где ты?

* * *

Да, истина, что сраму нет у мёртвых,
А то перевернулись бы в гробах.
Но до сих пор их длани распостёрты
На наших душах, порождая страх.
Страх вьелся в наши поры и сознание,
Он – может быть – и в генах.
Столько лет
Хранили мы холодное молчанье,
Как будто ждали худшую из бед.
Нам было мало той беды гудящей,
Где были коммуналки, пайки, блат.
Готовились мы к главной, предстоящей,
Когда своё возьмёт вселенский Хват.
Поддакивали злобным оговорам,
«Ура!» – кричали зверским приговорам.
И, будто к солнцу лица повернув,
Шагали мимо праздничных трибун.
...Не знают сраму мёртвые немые.
Но мы-то с вами –
Мы ещё живые...

1989

ЧИНОВНИКАМ

Прочтёте речь, как молитву,
Не слыша собственных слов. –
Да вас ли вёл он на битву?
Да вы ли внуки его?
Да вы ли от пролетариев
И от крестьян родились? –
Революцию обворовали
В одну человеческую жизнь.
Вам не помчаться с саблей,
Не выбить белобандитов.
Стало слишком тяжким
Место, на коем сидите.
Ставьте новую глыбу,
Свою заглушая совесть. –
Отвыкшие разговаривать,
Привыкшие славословить.

1964

* * *

А Есенина в тридцать седьмом
не убили бы?

Не сгноили бы в тундре
Рязанское золото?
Сколько их – неизвестных,
Что жили и жили бы,
Сколько их – неизвестных,
Что были так молоды!
Вот живу я на свете,
Стишатами балуюсь:
Что выходит, что нет –
Я на люди не вынесу.
А любимую мною
Марину Цветаеву
Из убогого дома
Готовили к выносу.
О, к рукам её смуглым,
Что с тряпками возятся
(Не годится в уборщицы –
Видно, из барыnek)
Я приникла бы, словно
К рукам Богородицы,
И молчала бы, просто
Боясь разговаривать.
Да от этого можно
о столб головою
Да от этого
Прямо с берега в воду.
Задушили.
Забии смолистой доскою

ДЕКАБРЬ 1988

Трагедии Шекспира. Что они?
В них благородства всё-таки немало.
Предательство обычно в наши дни,
И с идолов упало покрывало.
Во имя? Чьё? Кто сын и кто отец?
Кто дух святой, которому молились?
И чья рука укажет, наконец,
То место на земле,
Где мы с дороги сбились?
Прислушайся – сплошной вселенский стон
Да окрики жестоких и спесивых.
И все мы вместе
мчимся под уклон,
И некому сдержать
коней ретивых.
Как в страшном сне
(А может быть, в бреду),
Нигде ни зги,
Ни близких, ни любимых,
Ни тропки тайной обойти беду,
И всё свистит и пролетает мимо...
Себя под страшной пыткой оболгу,
Как тысячи, что в пропасти стекают.
Я не герой. Я больше не могу,
Когда щипцами душу зажимают.

1988

* * *

Не верим новому, что там ни говори,
Способствуем разладу и разрухе.
А в тёмной тине круговой поруки
Жиреют, как и прежде, упыри.
Смеются над тобой, что камень бьёшь:
Не возникай! Дыши и всё такое... –
Цепной реакцией неудержимо ложь
Опутала и душит всё живое.
Мышиный шелест деловых бумаг,
Что пишутся во имя и спасенье,
От циркуляров зарядит в глазах
И станет дурно до сердцебиенья.
Отравлен воздух. Тяжело дышать:
То пылью, то сивушным перегаром.
Очередей угрюмая печать
Нас пригвоздила крепко к тротуарам.

Декабрь 1988

То, что было и славой,
и силой народа.

Даже песню оставили
В мире без имени –
Ту, о «Встречном»,
Что пели и дети, и взрослые:
В тридцать лет расстреляли
Бориса Корнилова –
Повалили под корень
Не первую сосенку.
Это было в двадцатом
Кровавом столетии,
Это было под бодрые
Марши и пенье.
Процветали чиновники –
Гибли поэты.
И твердили о счастье
Моему поколению.

1 июля 1967

* * *

В своём отечестве пророком
 не прослыть –
То слишком слаб пророк,
То слишком грешен,
То был он так в делах своих
 попешен,
Что собственную жизнь перечеркнул,
Истлел давно
 в заброшенной могиле.
...И все его навеки
 позабыли.
Пусть даже в некий день
(Предсказанный едва ли)
Припомнили забытые
Слова,
Их глубину и силу
Разгадали. –
Но... в собственной отчизне –
Не признали.

3 мая 1983

* * *

Та ложь, что пронизала
Всё кругом –
Как с ней, неосязаемой,
Сражаться,
Живой на острой грани
Оставаться,
Не причитать, а думать
О живом.
Но старой осторожностью
Дыша,
Вы об опасности шепнёте,
Как и прежде.
Зачем? –
Давно обуглилась душа,
И не осталось никакой надежды.

* * *

До нас снисходят.
За нас решают.
Нас на беседы приглашают.
Нам объявляют чьё-то мнение
И окончательное решение.
И чуть не уськают:

«Гляди-ка, спятили!

Дорвались, дурики, до демократии!»
Привычно – выговор, в верхах обдуманый.
Привычно: «Выгоним!

Пускай подумают...

Пускай, сердечные, идут-шатаются.
Потом покаются!..»
Система чёткая,

давно обкатана.

Письмишко послано – туда, обратно.
И всё как прежде,
и всё как было. –

Противоборствуй
хоть до могилы.

1987

* * *

Временщики, заезжие варяги,
Что им до наших дум, до наших бед.
Перебирают тощие бумаги,
Чтобы извлечь параграфы на свет.
Всех видов кумовство и панибратство,
И заповедь: ты – мне, а я – тебе.
И лучше в этот круг не попадаться:
Пройдут, как плугом, по твоей судьбе.
Не господа, но их вассалов свита –
Ты перед ними наг и виноват.
Сомкнётся круг, всё будет шито-крыто
Щетиной из приказов и цитат.

1985

* * *

Итак: бывшие аргументы,
Горячие аплодисменты
И всенародное признание,
Единодушное избранье...
Но есть граница
Одобреньям, собраньям,
Лозунгам, решениям...
Потонет будущее наше
В такой единодушной каше.
Нам надо Видеть,
Слышать,
Знать,
Кого сегодня выбирать.

* * *

Кончается время паяцев картонных,
Возвышенных слов и призывов казённых,
Когда в кабинетах рождались решенья,
Без права на спор, на иные сужденья.
Кончается время!
Но в битвах жестоких
Так трудно рождаются новые строки.
Зубами, когтями, всей сутью чиновной
Так яростно борется старое с новым:
За власть (пусть без славы),
За деньги, за шмотки,
За важность вальяжной, вельможной походки,
За право совсем не считаться со всеми.
Кончается время.
Кончается время?

14 сент. 1987

* * *

Какому богу молишься теперь,
Иезуит с холодными глазами,
С готовыми округлыми словами?
Что выдаёшь ты за народный глас? –
Обкатан путь, соломкою покрыт,
Не ушибёшься! Что тебе камня! –
Уловишь вовремя начальственное мненье
И будешь снова в славе, знаменит,
Спокоен, сыт и благостен на вид.

МАЙ 1986 ГОДА

Эти ветры беспечные веют,
Норовят прямо в лоб, прямо в лоб.
Прославляя героев взахлёб,
Из всего извлекаем идею, –
Из беды, от которой не скрыться,
Но казённым писакам размах
Умилением своим насладиться,
Представляя всё в ярких тонах.
Что искать виноватых и правых,
Всё прекрасно – заманчивой вид.
Соловьи распевают в дубравах,
Ничего, что реактор дымит.
Нас насильно кормили с рожденья
Мешаниной из фраз и цитат.
Неприличное правды явление
Приукрасить опять норовят.
Но бунтуют усталые нервы,
Как река, что плотины рвёт.
Монументы готовы. Кто первый
Под бетонные плиты войдёт?

1986